
МАРТА ВЕСЕНИНА
ЖЕНА ПРОКЛЯТОГО МАРШАЛА
18+

Марта Весенина

Жена проклятого маршала

«Автор»
2026

Весенина М.

Жена проклятого маршала / М. Весенина — «Автор», 2026

Я согласилась стать женой Ренара Керна, чтобы сохранить перемирие и найти брата. В северной крепости моего мужа каждую ночь меняются дороги. Сам маршал не может покинуть её стен: проклятие медленно превращает его руку в камень.В первую ночь за исчезающей стеной я услышала голос брата. Он жив. Чтобы вернуть его и других пропавших, у меня есть сорок две ночи — и помощь человека, который приказал закрыть перед ними спасительный проход.Я умею прокладывать дороги для обозов и раненых. Теперь мне предстоит найти путь туда, где не действуют обычные карты. И решить, смогу ли я довериться мужу, к которому тянусь вопреки памяти о его приказе.Законченная история взрослой любви в готической крепости. Политический брак, опасное расследование и счастливый финал.

© Весенина М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. До того, как я скажу да 5
Глава 2. Час, которого нет на плане 12
Глава 3. Двадцать один 19
Глава 4. Карта с часами 28
Глава 5. Человек по другую сторону 35
Глава 6. Место за столом 42
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Марта Весенина
Жена проклятого маршала

Глава 1. До того, как я скажу да

— Мой брат назвал вам своё имя?

До свадьбы оставалось меньше часа. За дверью двигали скамьи, и каждый скрип ножек проходил по полу комнаты, где мы с женихом впервые остались без свидетелей.

Ренар Керн стоял у стола. На нём был тёмный камзол без орденов; высоко застёгнутый ворот оставлял под подбородком узкую полоску старого шрама. Правую руку маршал держал вдоль тела. Левой он только что придвинул мне кресло, и я всё ещё смотрела на его спинку, не собираясь садиться.

— Назвал, — ответил он.

Я ждала продолжения. За окном падал мокрый снег. На каменном подоконнике лежала длинная медная спица с метками; её конец подрагивал от тех же скрипов, что чувствовала я подошвами.

— Вы поняли, кто он?

— Натан Веллар. Дорожная служба Таррена. Ваш брат.

До этой минуты у меня сохранялась последняя удобная возможность: считать, что в грохоте обвала он не расслышал фамилию. Чужих раненых, чужих носильщиков было бы достаточно для гнева. Но с безымянными чужими легче жить человеку, который распорядился закрыть ворота.

Я положила ладонь на спинку кресла. Дерево оказалось гладким, тёплым от близкой печи.

— И вы приказали закрыть проход.

— Да.

— Пока они ещё могли выйти?

Он ответил не сразу.

— Пока проход ещё существовал. Ваш брат просил дать ему минуту, чтобы провести носилки. Я приказал закрыть Створ.

Меня злило, что он не отвёл глаз. Если бы начал объяснять, как ему было тяжело, я знала бы, что сказать. На короткое «я приказал» готового ответа не оказалось.

В дороге я представляла эту встречу иначе. Слишком много раз, чтобы теперь помнить, с какой из придуманных речей собиралась начать. Во всех речах я стояла прямо. Во всех точно знала, сколько времени должна длиться пауза, чтобы собеседник первым нарушил молчание.

Сейчас я считала удары медного наконечника по камню.

— Сколько их оставалось?

— Тридцать один человек. Последнее число передал Натан.

Маршал открыл лежавшую перед ним кожаную папку. Застёжка не поддалась с первого раза. Он прижал её к краю стола, снял петлю левой рукой и вынул несколько исписанных листов.

— Мой отчёт. Приложены записи сигнальщика и то, что удалось восстановить по показаниям постов.

Я взяла бумаги.

В письме, которое прислали Ирме после катастрофы, было меньше половины страницы. Повреждение северного крыла. Пропавшие при исполнении перемирного соглашения. Список. Ни слова о том, что кто-то разговаривал с ними до самого закрытия.

Здесь внизу первого листа стояла подпись Керна. Короткая, с резким росчерком; чернила на последнем штрихе расплылись, словно страницу закрыли слишком рано.

— Это всё?

— Всё из моих записей об этом приказе. Крепостные журналы и схемы в архиве. Они тоже будут вам доступны.

— Если я сейчас откажусь от свадьбы, вы заберёте отчёт?

Он посмотрел на папку у меня в руках.

— Нет.

— А в архив пустите?

— Потребуется разрешение совета на доступ тарренского представителя к военным документам. Я поддержу его. Сегодня такого разрешения у меня нет.

Это был неприятный ответ. Я бы предпочла ясное препятствие, которое можно преодолеть одним решением. Вместо него получались заседания, письма, печати и зимняя дорога, закрывающаяся прежде, чем совет успеет подобрать безопасные слова.

На столе лежал брачный акт. Четыре согласованных условия уже были переписаны набело. Обозы через перевалы. Пристань для тарренских судов. Возвращение задержанных. Допуск представителей обоих домов к обследованию крепости. Ни одного слова о Натане: в согласовании мира я не позволила выделить его среди остальных.

Но в моём собственном решении он занимал почти всё место.

— Вы могли подождать? — спросила я.

Ренар чуть повернул голову. У окна его лицо стало яснее: карие глаза, впалые виски, несколько седых волос у уха. Я знала, что ему тридцать восемь. В одних описаниях маршал выходил стариком, в других — человеком, которому с рождения не требовался сон. Передо мной стоял мужчина, который, вероятно, несколько ночей спал плохо.

— Я мог отдать другой приказ, — сказал он. — Что случилось бы после него, я не знаю.

— И не собираетесь убеждать меня, что иначе погибла бы вся крепость?

— Риск был. Доказательства, что она непременно погибла бы за эту минуту, у меня нет.

Я убрала отчёт в свою дорожную сумку. На тонкой свадебной ткани ремень выглядел грубо. Утром Ирма просила хотя бы до церемонии оставить сумку в комнате, и я согласилась. Потом мы вышли из гостевых покоев, а сумка оказалась у меня на плече. Сестра заметила это на лестнице и ничего не сказала.

— Мне нужен доступ к самому крылу.

— К доступной границе крыла. Войти в лечебницу мы не можем.

— «Не можем» и «вы не разрешите» — разные вещи.

— Поэтому я предлагаю вам посмотреть.

У него был негромкий голос, который хорошо проходил сквозь шум за дверью. Мне не нравилось, как легко я различала его среди остальных звуков. Не приходилось просить повторить, наклоняться или ждать, пока он откашляется. Он говорил и оставлял мне место для ответа.

— Сегодня.

— Вечером. До моего ночного дежурства.

— Со мной будет человек моего дома.

— В обычных помещениях — сколько потребуется. На опасном участке число людей определит инженер. Для меня действуют те же ограничения.

Он сдвинул брачный акт так, чтобы я увидела последнюю страницу. Там сохранялось согласованное с Ирмой положение о моей переписке и личных средствах. Я пробежала его глазами. Обязательство не удерживать супругу в крепости тоже осталось на месте.

— Совет ещё пытался это изменить? — спросила я.

— Пытался уточнить, что считается удержанием.

— И что вы ответили?

— Что запертая дверь обычно даёт достаточно точное определение.

Я почти усмехнулась. Почти — и разозлилась на себя за это.

Ренар не улыбнулся в ответ.

В дверь постучали.

— Ещё четверть часа, — сказала из коридора Ирма.

Маршал посмотрел на меня, дождался кивка и открыл ей.

Моя сестра вошла в дорожном платье цвета тёмной хвои. На плече у неё остался маленький влажный след: на лестнице протекала крыша, и даже владетельнице Таррена не удалось выбрать под ней правильное место. Она заметила пустую папку на столе, потом мою сумку.

— Вы успели поговорить?

— Успели, — ответила я.

Ренар взял со стола перчатку. Я только теперь поняла, что правая уже была на нём, а левую он всё время держал рядом с бумагами.

— Я буду в зале, — сказал он. — Если понадобится ещё время, скажите капитану Тенн.

Он вышел, прикрыв дверь без стука. Ирма проводила его взглядом, подошла ко мне и быстро провела пальцем по складке у воротника. Там зацепилась нитка.

— Ты его спросила.

— Он знал, что там Натан.

Её рука остановилась.

Я рассказала остальное. Тридцать один. Носилки. Минута. Ирма слушала, не перебивая, и только сильнее сжала снятую с моего воротника нитку.

Потом подошла к окну.

Внизу, между двумя рядами неподвижных повозок, медленно передвигались люди. Южный обоз ждал у западных ворот с рассвета. На первой телеге стояли бочки с солью, обтянутые серой рогожей. Я видела, как возчик время от времени приседал проверить клин под колесом. Снег налипал на клин; перед въездом его придётся вытаскивать ломиком.

Ирма проследила за моим взглядом.

— Они переждут ещё день.

— Я знаю.

— Мы можем уехать. Совет будет недоволен. Несколько владельцев перевалов решат, что я не умею доводить соглашения до конца. Это мои заботы, Альвина.

Она повернулась. В семье мы с Натаном привыкли, что последнее слово за Ирмой. Когда ей достался Таррен, мне было двадцать три, а ему семнадцать; она успела заменить нам добрую половину государственных учреждений и часть здравого смысла. Иногда ей самой было трудно понять, где заканчивается власть над владением.

Сейчас она не велела мне ни остаться, ни собираться.

— Ты хочешь, чтобы я отказалась?

— Я хочу услышать, чего хочешь ты, прежде чем все услышат твоё согласие.

За дверью опять протащили скамью. Кто-то выругался вполголоса, и другой человек шикнул на него. От обычного, совсем не торжественного звука мне стало легче стоять.

Я достала из сумки отчёт, раскрыла на последней записи. Имя брата было выведено чужой рукой, крупнее соседних строк, с нажимом на первую букву.

— Мне пять месяцев отвечают, что всё необходимое известно, — сказала я. — Сегодня я узнала больше, чем за все эти месяцы. Если уеду, опять будут письма. Или новые переговоры. А место останется здесь.

Ирма опустила глаза на страницу.

— Он мог погибнуть.

— Да.

Вслух это прозвучало тише, чем я ожидала. Мне не требовалось доказывать сестре, что я допускаю смерть Натана. Мысль о его смерти и без того часто будила меня.

— Я хочу знать, что с ним произошло, — продолжила я. — И хочу, чтобы эти повозки прошли. На следующей неделе по той же дороге повезут людей из горных деревень. Если мы опять закроем перевал, им придётся идти через осыпь.

— Ты не обязана выходить замуж за каждый опасный участок дороги.

Я посмотрела на неё. Ирма не улыбалась.

— За этот, кажется, придётся.

Она выдохнула и убрала ладонь с отчёта.

— Тогда я останусь до утра. Двое наших остаются с тобой. Деньги в дорожном сундуке, ключ у тебя. Письма забирает мой гонец, не крепостная канцелярия.

— Всё это уже согласовано.

— Я повторяю для себя.

Она обняла меня коротко, крепко. От её платья пахло холодной шерстью. Я уткнулась лбом ей в плечо и позволила себе закрыть глаза на несколько секунд, пока никто не видел моего лица.

Потом Ирма отстранилась.

— Рукава не мешают?

— Мешают.

— Я просила портниху не делать их широкими.

— Она сказала, что узкие будут выглядеть слишком буднично.

Сестра взглянула на сумку поверх свадебного платья.

— Теперь уже всё равно.

Она поправила мне застёжку. Я взяла отчёт, сложила его ровнее и убрала так, чтобы ни один лист не замялся.

Мы пошли в зал.

У входа стояла женщина в форме капитана, темноволосая, с короткой светлой отметиной на подбородке. Она представилась Марой Тенн и отступила, пропуская нас. У её сапога лежал завёрнутый в полотно обломок камня. Мара заметила мой взгляд и носком отодвинула свёрток под скамью.

— С верхнего карниза, — сказала она. — Убрали до прихода гостей.

— Хорошее начало для свадьбы.

— Обычно начинают с музыки. Музыканты не смогли пройти последнюю заставу до закрытия дороги.

Ирма обернулась на меня, словно ждала, что я сейчас попрошу план обхода. Я промолчала.

В зале пахло воском и вымытыми полами. Высокие окна пропускали тусклый дневной свет; между ними висели северные знамёна, а над столом, где лежал акт, закрепили узкую тарренскую полосу. Её зелёный цвет терялся рядом с чёрным и серебром. Слуга поднёс ещё два подсвечника, переставил один, посмотрел на расплавленный воск на пальце и быстро спрятал руку.

Собравшиеся расступились. Я узнала двух наших старшин перевалов, человека, который сопровождал обоз, и северного посредника, с которым полгода спорила о выдаче журналов. Он поклонился мне с таким облегчением, будто свадьба отменяла прежние вопросы.

Ренар ждал у стола. Увидев нас, он выпрямился. Перемена была небольшой, но я заметила усилие: до этого он незаметно опирался левой рукой на край.

Рядом с ним стоял седой мужчина с аккуратно подстриженной бородой. Его одежда была проще праздничных камзолов советников, зато цепь должности лежала на груди безукоризненно ровно.

— Леди Веллар, — произнёс он. — Освальд Роут. Надеюсь, дорога не слишком вас утомила.

— Утомила. Поэтому я предпочту сегодня обойтись без длинных речей.

— Я передам распорядителю.

Освальд сразу подозвал слугу. Через минуту из приготовленной стопки убрали два листа.

Ренар протянул мне руку.

Левую.

Я положила пальцы на его ладонь. Она была тёплой. В этом обнаружилось что-то неожиданное, почти раздражающее: слухи о человеке успевают изменить даже то, какой температуры от него ждёшь.

Он придерживал мою руку, пока мы подходили к столу.

Посредник прочёл имена и титулы. Я слушала своё имя, фамилию сестры, название Таррена и старалась не смотреть на медленный ход жилки у шеи жениха. В свадебном зале было душно после маленькой комнаты. Под ремнём сумки нагрелось плечо.

Когда прочли обязательства о перевалах и пристани, у дальнего окна кто-то кашлянул. На словах о возвращении задержанных один из наших старшин поднял голову. Это были важные для него слова; его сын третий месяц находился на севере. Я знала имя сына. Знала, кто из родных ждёт его дома, и сколько человек уже спрашивали меня, не придётся ли им ждать ещё одну зиму.

Потом обратились ко мне.

Я повторила требуемые слова без запинки. Голос оказался обычным. Ни один из присутствующих не узнал бы по нему, что час назад я держалась за спинку кресла, чтобы не сесть раньше, чем захочу.

Ренар ответил следом. Он произнёс моё имя так же, как перед этим — имя Натана: отчётливо, без торжественного нажима.

Кольцо оказалось чуть теснее, чем я ожидала. У меня замёрзли пальцы в дороге, а теперь согрелись. Ренар остановился, почувствовав сопротивление.

— Можно? — спросил он тихо.

Я взяла кольцо сама и повернула его на пальце. Оно село на место.

— Теперь можно продолжать.

На этот раз уголок его рта всё-таки дрогнул.

Я надела ему второе кольцо на левую руку. Правую он к нам не поднимал. Тёмная перчатка выглядела совсем новой; на указательном пальце кожа не имела ни одной складки.

Мы поставили подписи. Ренар писал медленно, левой рукой, и новый росчерк совсем не походил на тот, что стоял в отчёте о закрытии Створа. Я задержала взгляд на двух неровных последних буквах, потом убрала свою руку с края листа.

Объявили, что брак заключён.

Я услышала, как Ирма выдохнула позади меня. Вслед за ней задвигались остальные: заговорили, отодвинули скамьи, начали подходить с поздравлениями. Несколько минут мы принадлежали чужим рукопожатиям и фразам, на которые полагалось отвечать. Слова «мир», «зима» и «наконец» повторялись чаще, чем пожелания счастья.

В этом присутствующие хотя бы были честны.

Освальд предложил перейти к столам в соседнем зале. Он успел объяснить, где нас ждут, прежде чем снаружи загремело железо.

Я повернулась к окнам.

— Начали пропускать обоз? — спросила Ирма.

Мара посмотрела на маршала. Он кивнул.

— Первую повозку, — сказала капитан. — Остальных проведём по очереди.

Я подошла к окну раньше, чем вспомнила про свадебный обед. Западные ворота были открыты. Возчик с соляной телеги стоял на козлах и смотрел вниз, на колесо; двое стражников помогали вынуть забитый снегом клин.

Потом кони потянули. Переднее колесо поднялось на каменную полосу у ворот и замерло.

— Правая колея слишком низко, — сказала я.

Ренар остановился рядом.

— Там всегда проходили обозы.

— Лёгкие. Это соль. Если сейчас подгонят сзади, повозка сядет осью на край. Надо отдать назад и подложить доску под правое колесо.

Он наклонился к окну, посмотрел, затем подозвал Мару. Та выслушала и ушла.

Доску принесли со стройки у внутренней стены. Телега качнулась, один из коней забил копытом. Возчик придержал его, помощники упёрлись в колесо. Ещё усилие — и первая повозка прошла под аркой.

Вторая тронулась только после того, как первая целиком вышла во двор. Хорошо. Значит, кто-то внизу тоже умел ждать.

— Благодарю, — сказал Ренар.

— Не меня. Это у вашего каменщика доска оказалась под рукой.

— За доску я поблагодарю каменщика.

Он смотрел во двор, и мне не пришлось отвечать на его взгляд. Я разглядывала жёлтую соломенную полосу на рогоже, пока не поняла, что улыбаюсь. Тут же вспомнила содержимое сумки. Улыбка исчезла, а раздражение на себя осталось.

Первое, что мы сделали вместе после свадьбы, — провели через ворота телегу. Соль больше не мокла на дороге.

За обедом нас посадили рядом. Между моей тарелкой и тарелкой Ренара лежали две маленькие печати — северная и тарренская. Их собирались приложить к распоряжениям об открытии пристани. Слуга хотел убрать их перед подачей горячего, но Ирма попросила сначала подписать распоряжения, и обед задержался ещё на несколько минут.

Я ела мало. Мне всё время казалось, что под ремнём сумки сминается отчёт. Ренар пил чай из чашки без украшений; вино перед ним осталось нетронутым.

— Если вы продолжите так смотреть на дверь, — тихо сказал он, — кто-нибудь решит, что вам не понравился обед.

— Мне понравился. Я не люблю сидеть без дела после дороги.

— Вы только что вышли замуж.

— Я заметила.

Он поставил чашку на блюдце. Мне показалось, что он удержал улыбку, но я не стала проверять.

— Ваши комнаты готовы. Капитан покажет, где рабочий стол. Архивный ключ тоже у неё.

— У вас здесь на любую просьбу отвечает капитан?

— На те, которые должны быть исполнены сегодня.

Я посмотрела туда, где Мара разговаривала с нашим начальником обоза. В руках у неё был список. Она вычеркнула строку, что-то пояснила и передала ему лист. Он впервые за день перестал хмуриться.

— Тогда, пожалуй, я обращусь к капитану.

Ренар поднялся вместе со мной, хотя я не просила. Правый рукав на секунду натянулся у локтя. Он застыл, опираясь левой ладонью о стол, потом выпрямился окончательно. Ближайшие гости продолжили разговор слишком старательно.

Мне хотелось спросить, больно ли ему. Вопрос показался нелепым ещё до того, как я открыла рот.

Вместо этого я отодвинула своё кресло, освобождая ему больше места.

— Когда мы пойдём к крылу?

— В девять. Я зайду за вами.

— С инженером?

— С капитаном. Инженер передаст записи, которые можно посмотреть до ночного часа. Дальнейшие работы будете обсуждать с ней.

Так я и получила свои первые часы в Вороньей Страже: до девяти можно было читать, после — смотреть. От завтрашнего дня я пока ничего не требовала.

Мара проводила меня наверх. На жилом этаже было теплее, пахло яблочной кожурой и мокрой шерстью. У низкой двери девушка в сером платье ставила на табурет кувшин. Увидев нас, она выпрямилась так резко, что вода выплеснулась на её ладонь.

— Тея Линд, — представила её капитан. — Поможет вам устроиться. Ваши люди располагаются за поворотом. Ваша сестра — этажом ниже.

Тея открыла дверь.

В комнате стояли кровать, стол у окна и большой дорожный сундук с нашей зелёной меткой. На каминной полке кто-то оставил яблоки. Через другую дверь, приоткрытую, я увидела небольшой рабочий покой с пустыми полками и длинной доской для раскладки планов.

Я задержалась на пороге спальни.

— А комнаты маршала?

Мара показала вдоль коридора, в противоположную сторону.

— В том конце жилого крыла. Здесь обе комнаты ваши.

Она положила на стол два ключа. Большой, тёмный, с двузубой бородкой, был архивным. Второй легко поместился у меня в ладони.

Тея ждала, пока я осмотрюсь. Я попросила воды для рук и ещё одну свечу в рабочий покой. Она кивнула, подхватила кувшин и исчезла за дверью.

Оставшись одна, я сняла сумку. На плече проступила красная полоса. Я разложила бумаги, разгладила ладонью сгиб первого листа и только тогда посмотрела на кольцо.

Оно всё ещё сидело тесно. Я повернула его, примеряясь к непривычному весу, и придвинула свечу.

В последней сигнальной записи напротив фамилии Натана стояло короткое слово: «Слышу».

Его написал человек, ставший сегодня моим мужем.

Глава 2. Час, которого нет на плане

Читать отчёт оказалось труднее, чем слушать признание.

В разговоре можно было ненавидеть голос, руку на столе, неподвижное лицо. На бумаге каждое действие занимало свою строку. Между просьбой Натана и приказом оставался промежуток, в который я пыталась вместить хоть что-нибудь: повторённый вопрос, неверно переданный ответ, чужое вмешательство.

В сигнальной копии просьба была отмечена около двадцати трёх часов восемнадцати минут пятидесяти секунд. Приказ — чуть позднее начала следующей минуты. Маршал успел услышать. Успел ответить. Запрошенного времени он не дал.

Я выписала обе отметки на отдельный лист.

Перед ними шли короткие сообщения постов. Лестница сдвинулась. Проход сужается. Носилки задержались у поворота. Две оценки оставшегося времени расходились втрое. У одной стоял вопросительный знак.

Далее почерк сигнальщика менялся. Последние строки записывал другой человек: крупнее, с широкими промежутками, словно ему мешали повреждённые пальцы. Там говорилось о потере связи и о том, что у наружного края лечебного крыла больше нельзя найти вход.

Сам Ренар сделал на полях только несколько пометок. Возле сообщения брата: «Слышу». Ниже, рядом с приказом: «Мой». Это было лишнее для служебного отчёта с его подписью в конце, и оттого я возвращалась к двум словам снова.

Приложенный список начинался с солдат. Потом шли служащие, рабочие, сопровождавшие обоз. Возле некоторых имён не было ни возраста, ни родного селения. Только занятие. Я представила, сколько писем пришлось отправить, прежде чем канцелярия научилась правильно писать фамилии этих людей.

Мне прислали Натана Веллара без отчества и подробностей. У кого-то не осталось даже фамилии, которую можно было бы предъявить чиновнику.

Тея принесла поднос. Хлеб, холодное мясо, кружку с крышкой и миску горячей воды, хотя я просила лишь воду и свечу.

— За обедом вы почти ничего не съели.

— Здесь все замечают, кто сколько ест?

— Когда потом приходится уносить полную тарелку.

Я отодвинула бумаги, чтобы ей было куда поставить поднос. Тея была младше меня лет на десять, с красными от воды руками и аккуратно заколотыми волосами. Она не оглядывала комнату и не пыталась заглянуть в отчёт.

— Давно вы здесь служите?

— Четвёртую зиму встречаю.

— Значит, знали крепость до того, как всё произошло.

Тея сняла крышку с кружки. Поднялся слабый запах сушёной мяты.

— Знала, где что стояло. Люди тоже поменялись.

Я не сразу поняла, что она говорит не только об уехавших и погибших.

Тея поправила полотенце у миски.

— Капитан просила передать: вечером вы пойдёте по жилой лестнице. Северную закрыли. Если захотите вниз раньше, я покажу.

— Спасибо. А это что за стена?

Я указала за её спину. В рабочем покое одна сторона была обшита деревом, другая оставалась каменной. На ней виднелась старая узкая арка, заложенная блоками. Через раствор шла косая трещина, похожая на надломленный стебель. Под ней к стене придвинули длинную низкую лавку.

— Раньше там ходили в Часовую галерею. Потом заложили.

— После катастрофы?

— Раньше, леди. Ещё до моего приезда. Прачки помнят старую дверь.

Я посмотрела на кладку. Разные по возрасту комнаты часто хранят такие проходы. В Таррене по парадной лестнице можно было обойти три зала, прежде чем попасть в соседнюю кухню; слуги проходили то же расстояние за половину минуты через дверь за шкафом.

— В комнате есть план этого этажа?

— Капитан оставила на полке. Верхний свиток. Остальные из архива, их принесли по приказу маршала.

Тея подвинула мне хлеб и ушла.

Верхний свиток оказался планом жилого крыла. Бумага была плотной, хорошей, линии проведены ровно. Я нашла свою спальню, рабочий покой, коридор и лестницу вниз. За каменной стеной обозначался узкий строительный промежуток, а дальше — другое крыло. Ни старой двери, ни галереи на листе не было.

Я сделала карандашную пометку на отдельном клочке. Портить выданный оригинал не хотелось: первая же просьба о другом плане могла закончиться разговором о бережном обращении с архивом.

К девяти я переоделась. Тея помогла расстегнуть свадебное платье и повесила его на широкую спинку стула. На обычном шерстяном рукаве ремень сумки лежал привычно. Кольцо я оставила. Снимать его в первый же вечер показалось бы действием, которому кто-нибудь непременно придаст слишком много смысла.

Ренар пришёл с Марой. Его камзол был расстёгнут у горла; я заметила это раньше, чем приветствовала обоих, и опустила глаза к бумагам.

— Вы прочли, — сказал он.

— Да. В приказе и в письмах семьям оказалось очень мало общего.

Капитан остановилась у двери.

Ренар не попросил её выйти.

— Подробный отчёт я закрыл, — сказал он. — Пока шли переговоры и оставались военные посты у перевалов.

— За перевалами живут люди, которым сообщили, что их близкие пропали. Что в просьбе дать ещё минуту было военной тайной?

— Ничего, что оправдывало бы молчание перед вами.

— Не только передо мной.

Он чуть опустил подбородок.

— Не только перед вами.

Мне хотелось заставить его сказать больше. Сколько раз он получал запросы Ирмы. Кто приносил ему отказы на подпись. Почему сегодняшняя папка не могла отправиться с любым из прежних гонцов.

Я задала два вопроса. Ренар ответил на оба. Запросы видел. Ограничение доступа оставил в силе сам.

От ясных ответов становилось тяжелее, но я предпочитала их попыткам спрятаться за канцелярией.

— В своих письмах я спрашивала, были ли поиски, — сказала я. — Мне отвечали, что доступ к крылу утрачен. Это не одно и то же.

Мара посмотрела на маршала.

— Обе группы вернулись, — сказал он. — Первая не нашла прежнего выхода с лестницы. Во второй пострадали двое. Дальше разбора и укрепления доступной кладки мы не продвинулись. Подробности у инженера Орс. Она покажет, что пробовали и где пришлось остановиться.

— А вы считаете людей погибшими?

— Я не получил после закрытия ни одного достоверного сообщения от них.

— Это ответ на другой вопрос.

Он помолчал.

— Я считал, что выживших нет.

Я помедлила, надеясь услышать ещё хоть что-нибудь. Ренар молчал.

Я убрала выписку с двумя отметками в сумку.

— Покажите мне место.

Мара взяла лампу, висевшую у двери. Ренар пропустил меня вперёд, и мы вышли в коридор.

По вечерам крепость звучала иначе. На кухне ещё двигали тяжёлую посуду, снизу доносились голоса прибывших возчиков. В стороне, куда мы пошли, становилось тише. На полу виднелись светлые полосы от недавно переставленных сундуков. У одной двери я заметила два разных номера: старый, выжженный на деревянной дощечке, и новый, написанный углём прямо по штукатурке.

— Перенесли жильцов? — спросила я.

— Да, — ответила Мара. — Здесь остаются только люди ночных постов.

Мы спустились на один пролёт. Ренар шёл рядом со мной, чуть позади. На узком повороте я услышала, как его дыхание сбилось, но он не замедлил шага. Мне пришлось сознательно не оборачиваться каждые несколько ступеней.

Лестница вывела к низкому залу. На стене рядом с входом были прибиты обломки планок с отметками. Одна выглядела свежей: край ещё не успел потемнеть от рук. Дальше стояло ограждение, собранное из крепких столбов и толстой верёвки.

Я остановилась перед ним сама.

В свете лампы за верёвкой виднелись несколько широких ступеней, уходящих к стене. На последней лежал камень размером с табурет. Под ним торчал обломок железной скобы.

— Прежний подход к северному крылу, — сказал Ренар. — До защитного прохода отсюда ещё далеко. Там, куда уходила лестница, сейчас нет доступного нам пути.

Я посмотрела на боковую кладку. На ней были следы поручней, идущие под разными углами. Один ряд обрывался на высоте плеча, второй — почти у пола.

— Это разные лестницы?

— Части одной, — ответила Мара. — По крайней мере, так было до смещения.

— Вы мерили расстояние снаружи?

— Сабина мерила. Она передаст записи.

Я сделала несколько шагов вдоль ограждения. С этой стороны стена выглядела сплошной; не хватало пространства даже для поворота, который был нарисован на выданном плане.

Мне хотелось протянуть руку к камню и убедиться в его настоящей твёрдости. Желание было почти детским. Я удержала ладонь на ремне сумки.

— За этим и лежат люди?

— Где именно находится отсечённая часть, мы не установили, — сказал Ренар.

Мара подняла лампу. Я разглядела ещё один обломок перил. Его деревянный край был раздавлен, металлическая полоса вывернута внутрь, как скоба на слишком тяжёлом сундуке.

За этой верёвкой не было дверцы, которую от меня утаивали. От сознания, что преграда настоящая, я ощутила злость почти сильнее прежней. С запретом можно спорить. Камню было нечего ответить мне.

— Пойдемте дальше, — сказала я, прежде чем кто-нибудь предложил вернуться.

Ренар кивнул. Я заметила, что он держит плечо выше обычного.

Обратно мы пошли другим коридором. Мара назвала повороты, которые оставались доступными, показала выход во двор. Я спрашивала, кто пользовался каждой лестницей до катастрофы. У капитана нашлись ответы не на всё. Она не стала их придумывать.

В конце коридора было светло. Дверь в следующий зал стояла открытой, и оттуда тянуло сухим холодом, совсем непохожим на сырой воздух у внешних ворот.

Ренар остановился.

— Здесь мне нужно остаться.

Я посмотрела на часы над дверью. До одиннадцати не хватало нескольких минут.

Зал был невысоким, с широкими каменными рёбрами по стенам. Между ними проходили металлические тяги. В центре стояла тёмная рама, слишком массивная для обычных ворот. В её боковой стойке виднелось углубление под ладонь.

У стены сидел молодой человек с листом на коленях. Увидев маршала, он поднялся, но Ренар жестом велел ему остаться. На скамье рядом лежали колокольчик, несколько деревянных клиньев и мокрое полотенце.

— Это Створ? — спросила я.

— Его внутренний пост.

Ренар снял правую перчатку. Левой рукой вытягивал её медленно, палец за пальцем. Я успела подумать, что отвернуться было бы вежливее, и всё-таки смотрела.

Кожа на тыльной стороне кисти казалась серой; под ней виднелась тонкая сеть светлых линий, уходивших под рукав. Два пальца почти не двигались. В сгибе большого выступила кровь, когда он наконец освободил руку.

Мара положила полотенце ближе к посту. Ренар не обратил на это внимания.

— Каждый вечер? — спросила я.

— Каждый.

— Что будет, если вы пропустите?

Он посмотрел на раму.

— Ночью её должно что-то удерживать. Сейчас — я.

Мне стало неприятно от собственного взгляда на его руку. Несколько мгновений назад я искала в ней объяснение слухам, теперь видела треснувшую кожу и человека, которому нужно было делать больное движение перед чужими глазами.

— Я могу коснуться? — спросила я, указав на ближайшую каменную стойку.

— Этой — да. Металла во время работы не касайтесь.

Камень оказался холоднее воздуха. Я убрала пальцы и непроизвольно потёрла их о ладонь.

Ренар заметил.

— Ко мне можно прикасаться, — сказал он. — Это безопасно, если вы об этом думаете.

— Я думаю, что вы могли сказать раньше, зачем вам нужно остаться.

— До того, как вы решите выйти за меня?

Я услышала, как писарь у стены перевернул лист.

— Не для того, чтобы я вас пожалела, — ответила я.

— Тогда теперь вы знаете.

Часы начали отбивать час.

Ренар вложил ладонь в углубление. На первом ударе ничего не произошло. На втором дрогнула металлическая тяга над его плечом. К пятому я увидела, как побелела кожа у него на виске.

Мара придвинулась ближе. Он покачал головой, не глядя на неё.

Я оставалась у двери, пока последний удар не затих. В глубине стены ответил иной звук: низкий, короткий, с неприятным дребезжанием на конце. Писарь сделал отметку.

— Тибор, — сказал ему Ренар. — Первое положение.

Тот ответил и взял маленький молоток.

Капитан повернулась ко мне.

— Я провожу вас наверх.

На выходе я всё-таки оглянулась. Ренар стоял у рамы, свободной рукой опираясь на край. Он заметил движение и повернул голову. Наши взгляды встретились ненадолго.

Мы поднялись на жилой этаж. Я запоминала путь, считала повороты и старалась сосредоточиться на шаге Мары. Образ серой кисти возвращался всякий раз, когда я моргала.

У моей двери капитан остановилась.

— Тея останется в соседней комнате, пока вы не ляжете. Наш пост — у лестницы. Если что-нибудь понадобится, зовите.

— Как долго он будет там стоять?

— До конца ночного часа.

— А потом?

Мара помедлила.

— Потом — как получится. Обычно может уйти сам.

В спальне было тихо. Тея принесла новый кувшин, сложила моё свадебное платье так, чтобы рукава не касались пола, и спросила, нужна ли ещё помощь. Я поблагодарила её и попросила пока не уходить далеко.

Мне хотелось закончить записи. Снять с памяти длину лестницы и два ряда креплений, пока один не подменил другой. Я села в рабочем покое, достала тонкую линейку, но сначала записала совсем другое: «До окончания часа остаётся у поста».

Потом зачеркнула. Это относилось к Ренару, а я собиралась рисовать стену.

На полке тикали мои дорожные часы. Я поставила их рядом с крепостными ещё перед уходом: расходились меньше чем на минуту. Теперь стрелка приближалась к двадцатой.

Звук пришёл со стороны заложенной арки.

Сначала я решила, что по камню прошла вода. В старых стенах она умеет создавать самые разные впечатления: от шагов в пустой комнате до тяжёлого вздоха прямо над кроватью. Я дождалась повторения, держа карандаш над листом.

Повторения не было. Вместо него исчез один из привычных звуков: больше не слышалось сквозняка под дверью спальни.

Я подняла голову.

Косая трещина оставалась на месте. Но низкая лавка у стены теперь стояла иначе. Дальний её конец словно выступал за край каменной ниши, которой прежде не было.

Я медленно отодвинула стул.

На столе лежал дневной план. За стеной на нём было слишком мало места, чтобы поместилось то, что я видела. Узкий тёмный проход уходил от арки влево. Верхняя часть его терялась за выступом, а на полу отражался слабый жёлтый свет моей свечи.

— Тея, — позвала я.

Она появилась в спальне и замерла, не доходя до меня.

— Здесь была стена? — спросила я.

Тея посмотрела на лавку, потом на меня.

— Была.

— Принесите лампу. И позовите человека с поста. Не уходите вдвоём: один из вас должен остаться здесь.

Она кивнула слишком быстро, будто ей нужно было действие, которое уже кто-то выбрал. Я поставила свечу на край стола, сняла с плеча длинную ленту для измерений и закрепила её под тяжёлой ножкой.

Тея вернулась с лампой. Следом пришёл караульный, молодой, с влажными волосами у висков. Он посмотрел в арку и выругался, так же тихо, как утром люди со скамьями.

— Капитана, — сказала я. — Скажите, появился проход. Мы остаёмся у входа.

Он убежал.

Тея держала лампу обеими руками. Я взяла её за локоть и передвинула чуть в сторону, туда, где не пришлось бы стоять напротив тёмного проёма.

— Если начнёт меняться край, зовите сразу. Ничего не придерживайте.

— Вы туда пойдёте?

Я посмотрела на расходящуюся по полу полосу света. Лавка, которую только что принимала за надёжную примету комнаты, уже не помогала понять, где заканчивается обычный пол. Хотелось решить это одним шагом.

— До первого поворота. Если не будет видно конца, вернусь.

Тея открыла рот.

Я остановилась, всё ещё держась за ленту. У неё был тот же взгляд, какой бывает у сопровождающего перед плохим участком дороги: человек не знает, как возразить тому, кто говорит уверенно.

— Нет, — сказала я. — Пока останемся здесь. Поднимите лампу.

Свет пошёл выше. В глубине показалась часть стены, почти белая от извести. На ней была длинная тёмная полоса, а под полосой — угол ступени. Я не смогла определить, сколько шагов до него.

Пахнуло старой водой и чем-то ещё. В первые месяцы войны я часто заходила в лазарет перед выездом обоза; застоявшийся запах мокрого льна узнавался мгновенно.

— Там вода? — шепнула Тея.

Я покачала головой, сама не понимая, что отрицаю.

Из-за поворота донёсся удар.

Мы обе вздрогнули. Я прижала ладонь к столу. Удар повторился, немного тише; вслед за ним послышалось скольжение по камню.

— Кто здесь? — спросила я.

Мой голос прозвучал глухо. Проход был узким, но эхо не вернулось.

Тея подняла лампу ещё выше. Свет дрогнул на известковой полосе. Я ждала, удерживая себя за край стола, и вдруг почувствовала собственное кольцо под пальцами. Оно упиралось в дерево.

— Кто здесь? Вы меня слышите?

На этот раз ответ пришёл.

Сначала женский голос, такой далёкий, что я не разобрала слов. Потом мужской, ближе. Он сдерживал раздражение и говорил коротко, на выдохе, как говорят, помогая поднять тяжесть.

— Под плечо. Держи выше, здесь зацепится.

Я перестала чувствовать край стола.

Брат произносил «здесь» чуть короче, чем нужно. Когда уставал или сердился. В детстве я поправляла его, а он повторял нарочно, пока я не выходила из себя. Потом он вырос, стал выше меня, уехал на службу — и сохранил эту привычку, которой уже никто не мешал.

— Натан?

Тея резко посмотрела на меня.

Я шагнула вперёд. Лента натянулась в ладони, напомнив, где я стою. За первым поворотом оставалась неизвестная мне лестница. Если я исчезну в ней сейчас, Тея не сумеет сказать даже, куда именно я ушла.

— Натан! — повторила я, не сходя с места. — Это Альвина. Ты меня слышишь?

Из прохода донёсся стук. Кто-то быстро проговорил несколько слов. Я разобрала только своё имя — или очень хотела разобрать.

Мара пришла почти бегом. Увидела арку, рукой отодвинула караульного за плечо и остановилась рядом со мной.

— Кто-нибудь входил?

— Нет. Там люди.

Она подняла ладонь, требуя тишины. Несколько секунд мы слушали втроём.

— Голос, — сказала Тея. — Мы слышали мужчину. И женщину.

Мара бросила взгляд на мои часы.

Я снова позвала брата. Не во весь голос; от громкого крика звук хуже проходил за поворот. Я уже пыталась действовать так, будто мы действительно разговаривали, будто нужно было только подобрать правильную высоту голоса.

Холод потянулся вдоль пола.

— Назад от края, — сказала Мара.

Я не двигалась.

Мара указала на известковую полосу в глубине. Полоса стала уже. Справа от неё появилась тёмная вертикальная черта, которой секунду назад не было.

Мы отступили за стол. Тея опустила лампу, придерживая стекло, чтобы оно не задребезжало. Я держала ленту так крепко, что край врезался в пальцы, и никак не могла перестать ждать ещё одного слова.

— Натан, мы вернёмся, — сказала я.

Ответа не было.

В глубине прохода что-то тихо ударило по стене. Тот же мужской голос произнёс короткую фразу; окончание исчезло в каменном скрежете. Я услышала только два слова:

— Подожди. Слышишь?

Я стояла за столом с измерительной лентой в руке и не знала, к кому он обращался.

Глава 3. Двадцать один

Утром стена снова была стеной.

Я не спала достаточно, чтобы подумать, будто мне приснился проход. На столе лежала распущенная мерная лента. В тетради стояли время появления арки, время, когда перестала различаться известковая полоса, и три записанные по памяти фразы. Тея добавила к ним свою: женский голос велел кому-то не двигать ногу. Я этого не слышала.

После сороковой минуты голоса пропали. В глубине ещё оставался тёмный промежуток, но свет лампы падал уже на другую поверхность. К полуночи промежутка не стало. Мара велела никому не трогать стену до прихода инженера и оставила караульного у двери.

Я смотрела, как сереет окно. Потом всё-таки уснула прямо за столом и проснулась от того, что больно упёрлась кольцом в щёку.

Теперь под косой трещиной виднелась обычная пыль. Я присела рядом с лавкой. В её ножках торчали железные штифты, удерживавшие мебель на месте; на досках пола вокруг не было новых следов. Лавку ночью никто не двигал. Изменилось то, что находилось за ней.

Я провела по краю своего рисунка, сравнивая два положения арки. Бумага напомнила мне, что вчера я отметила глубину по впечатлению. Цифра выглядела убедительнее, чем имела право.

Я её зачеркнула.

— Зачем? — спросила Тея от двери.

Она принесла новую лампу, хотя уже рассвело.

— Я не мерила. Только смотрела. Потом сама поверю, что знаю расстояние.

Тея поставила лампу рядом с ночной, на которой остался вытекший воск.

— Мне показалось, ступеней было три.

— Мне — две.

Она огорчённо поджала губы. Я придвинула к ней чистый лист.

— Нарисуйте свои три. Пока мы не начали убеждать друг друга.

Тея взяла карандаш так, как берут вещь, с которой давно не имели дела. Сначала вывела слишком маленькую лестницу, потом сердито повернула лист и начала заново.

У двери заговорили. Мара вошла первой, следом Ренар и женщина в коротком рабочем кафтане. У женщины была широкая кожаная сумка, выпуклая от лежавших внутри вещей. Она сняла её с плеча и поставила на пол осторожнее, чем я обращалась со своей.

— Сабина Орс, — сказала она. — Инженер крепости.

Я поднялась.

Сабина посмотрела на два рисунка, на часы, затем на стену. В её волосах застряла тонкая деревянная стружка. Мне захотелось убрать её, но я решила, что знакомство с чужим инженером лучше начать иначе.

— Проход был здесь, — сказала я. — Появился после одиннадцати вечера. Я записала время, когда его заметила; возможно, он открылся чуть раньше.

— Часы с чем сверяли?

— С теми, что у жилой лестницы. До ухода на осмотр.

— Хорошо. Сверим ещё с постом.

Она вытащила короткую металлическую меру и небольшое зеркало на шарнире. Ренар остался у стола, куда Мара положила ночную запись. Он читал её, не перебивая нас.

Сабина опустилась перед стеной на колено. Я заметила, что она не касается самой трещины, а выбирает рядом неповреждённый шов.

— Когда вы последний раз осматривали этот участок? — спросила я.

— Три дня назад. Изменилось расстояние от наружного окна до старого крепления. Думали, повело облицовку.

— Здесь кто-то жил?

— Рабочая комната пустовала. В соседней спальне останавливались приезжие. После первых изменений капитан отселила людей из комнат у нижней лестницы. Этот покой мы проверяли пустым; спальня оставалась вне отмеченного пояса.

Мара подошла ближе.

— Ночью проход появился именно в рабочем покое. В спальне и коридоре ничего не менялось.

Я посмотрела на открытую дверь между двумя комнатами. Было неприятно осознавать, как быстро слово «соседняя» перестало означать безопасность.

— На эту ночь я перенесу ваши вещи дальше по жилому этажу, — сказала капитан. — Рабочий стол можно оставить. Во время наблюдения здесь будет пост.

— Сначала отметим, где он стоит, — ответила я. — Вчерашний рисунок привязан к нему.

Мара кивнула и оставила стол на прежнем месте.

Сабина выпрямилась, придерживая спину, и положила меру на стол.

— Расскажите с самого начала. Каждый отдельно. Сначала вы, Тея.

Девушка взглянула на меня. Я села и отодвинула свою тетрадь, чтобы она не видела записи.

Тея рассказала, как вошла в спальню, увидела тёмный проём и сходила за лампой. Помнила положение лавки и приказ позвать караульного. Мужскую фразу передала почти точно. Женскую — увереннее, чем я ожидала. Когда Сабина спросила, узнала ли она говоривших, Тея ответила, что нет.

Потом рассказывала я.

На слове «Натан» карандаш инженера остановился.

— Вы слышали, как его кто-то назвал?

— Нет. Я узнала голос.

— И произношение, — добавила я, когда она не стала записывать имя. — Он особенным образом сокращает одно слово.

— Какое?

Я повторила. В дневной комнате это прозвучало до смешного ненадёжно.

Сабина посмотрела на меня поверх листа.

— Я верю, что вы услышали знакомое. Но в рабочей записи пока будет «мужской голос». Вы не против?

Я была против. На мгновение — очень.

Ренар стоял рядом и смотрел на два разных рисунка лестницы.

— Запишите рядом, что я его узнала, — сказала я. — С моим именем. Отдельно от того, что слышали остальные.

— Так и сделаю.

Сабина положила лист между нами. В записи оказалось место и для моего брата, и для чужой осторожности. Я смогла продолжить.

Когда закончили, инженер достала из сумки старую рабочую тетрадь. На её страницах были зарисованы стены, отдельные трещины, сломанные крепления. Некоторые листы истёрлись у края от частого перелистывания.

— С этой стороны раньше удавалось наблюдать только колебание кладки, — сказала она. — Голосов здесь не записывали. На восточной стене есть воздуховоды, но мы не знали, куда сохранилось соединение. Звук из них доходит неразборчивый.

Она нашла нужный разворот.

На нём был угол моей комнаты. Та же арка, но трещина кончалась выше. Возле рисунка стояли три разные даты. При последнем промере расстояние между двумя отмеченными точками изменилось совсем немного.

— Это ваш промер трёхдневной давности?

— Да.

— Тогда здесь началось раньше моего приезда.

— Конечно, — сказала Сабина и только после этого поняла, почему я спросила. — Никакого отношения к свадьбе. Изменение шло к этому участку с нижнего пояса. Мы ошиблись в том, какое соединение откроется первым.

Я перелистала тетрадь до первого осмотра. Пока в Таррен приходили короткие отказы, Сабина измеряла эту стену и заносила сюда каждую перемену.

— Мне нужны копии этих листов.

— Сделаем. Но вашу отметку времени я тоже возьму.

Я подвинула ей тетрадь.

Ренар коснулся пальцем края ночной записи.

— Вы хотите повторить наблюдение сегодня?

— Да.

— Что потребуется?

Я посмотрела на часы, потом на пустые листы.

— Часы, сверенные с постом. Две неподвижные отметки здесь. Люди, которые запишут слова отдельно от меня. И план наружной стены, если он есть.

— Есть, — сказала Сабина. — Но он старый.

— Тем лучше. Я хочу понять, что здесь было до того, как проход заложили.

Мара указала на лавку.

— За её ближний край никто не идёт. Даже если услышит знакомый голос.

Я посмотрела на капитана.

— Вчера я не пошла.

— Я видела. Поэтому говорю сейчас, пока там нет человека, которого хочется достать рукой.

Ренар стоял молча. Меня сердило, что он, вероятно, думает о том же. Но спорить с самой границей было нечем: за поворотом мы не знали ни длины пути, ни того, куда он ведёт.

— До края лавки, — согласилась я. — Если откроется в другом месте, сначала смотрим от двери. Ничего не придерживаем.

Сабина записала и это.

Потом она попросила оставить комнату на полчаса: нужно было снять наружные размеры, пока рабочие не внесли сюда приборы. Мара вышла с ней. Ренар задержался у двери, и мы впервые с утра остались без чужих вопросов.

— Вы тоже не верите? — спросила я.

— Я не слышал голоса.

— Я слышала.

Он кивнул.

— Поэтому сегодня будет ещё одно наблюдение.

Меня раздражало это разумное «поэтому». Мне хотелось услышать, что брат жив. От человека, который приказал закрыть за ним проход. Как будто такой ответ мог вернуть часть утра, проведённого над чужим почерком.

Я опустила взгляд на собственный лист. Рядом с аккуратными отметками высоты была перечёркнута выдуманная глубина.

— Если это он, — сказала я, — ваш прежний приказ никуда не исчезнет.

Ренар посмотрел мне в лицо.

— Я знаю.

Я убрала бумаги в папку.

— Мне нужно увидеть сестру до её отъезда.

— Она ждёт вас внизу. Я попросил задержать гонца до полудня, если вы захотите что-нибудь передать.

— Спасибо, — сказала я уже у двери.

Он отступил, пропуская меня, и на короткое мгновение я оказалась достаточно близко, чтобы увидеть тёмную полоску от чернил на его левой манжете. Сегодня он снова писал неудобной рукой. Этот небольшой след почему-то было труднее не замечать, чем шрам у воротника.

Ирма встретила меня в комнате, где накрыли поздний завтрак. На столе лежали дорожные перчатки, рядом стояла почти пустая чашка. Сестра уже знала про проход, но ждала моего рассказа.

Я рассказала без записей. В первый раз за утро не нужно было различать, кто именно услышал каждое слово. Ирма слушала, сцепив пальцы так крепко, что побелели суставы.

— Ты уверена?

— Нет. Почти. Я не знаю, как тебе ответить.

Она закрыла глаза, затем открыла.

— Именно так и ответила.

Я села напротив. Между нами стояла миска с печёными яблоками. Ирма придвинула её ко мне, и я взяла ложку только потому, что иначе она не убрала бы руку.

— Я могу остаться ещё на ночь, — сказала сестра.

— У тебя встреча с владельцами верхнего пути. Они и без того считают, что ты слишком надолго уехала.

— Они подождут.

— Вчера ты говорила то же про обоз.

Мы посмотрели друг на друга. Ирма отвела взгляд первой, к окну, за которым двое наших привязывали сундук к седлу вьючной лошади.

— Ты пришлёшь весть сразу.

— После наблюдения. С тем, что будет известно. Если я ошиблась, тоже пришлю.

Сестра подвинула мне вторую ложку: первая оказалась чайной, и я неловко ковыряла ею яблоко, не замечая этого.

— Натан ненавидел, когда ты называла его ошибкой в расчёте.

— Я так не называла.

— Ты говорила: «Я не учла тебя». Он слышал по-своему.

Я вспомнила его лицо после одного из наших последних споров. Мне хотелось поручить ему безопасный участок; он ответил, что за ним тоже есть люди и он уже обещал им работу. Тогда я считала, что старшая сестра имеет право хотя бы спросить, почему он выбирает неудобный путь.

Воспоминание кончилось раньше, чем я сумела извлечь из него хоть что-нибудь полезное.

Ирма встала.

— Ешь. После бессонной ночи ты начинаешь отвечать за весь мир ещё усерднее обычного.

Она нагнулась, поцеловала меня в висок и крепко обняла за плечи. Я держала ложку над миской и ждала, пока отпустит горло.

Из комнаты сестра вышла сама. Я не пошла провожать её к воротам. Слишком много раз за последние месяцы мы стояли рядом, глядя вслед человеку, который должен был привезти ответ.

На этот раз ответ оставался в стене за моей спиной.

День тянулся медленно, хотя работа нашлась сразу.

Сабина принесла старый наружный план и листы последних осмотров. Мы разложили их на длинной доске, освободив место от ламп. Я просила показать, откуда делался каждый промер. Она отвечала терпеливо, пока я в третий раз не указала на одну и ту же пометку.

— Это не расстояние, — сказала Сабина. — Номер камня. Рядом должен быть второй лист.

Я остановилась и нашла нужный.

— На моих картах номера обычно стоят в кружке.

— На моих расстояния подписаны единицей меры.

Мы посмотрели друг на друга. Я первой взяла чистую бумагу.

— Давайте для общей копии выберем что-нибудь одно.

— Кружки подойдут.

Она сняла с волос наконец замеченную стружку и бросила её в пустую чашку.

Час спустя в комнате появился Ренар. Он принёс тетрадь, которую я видела у ночного писаря. Сначала мы сравнили часы. В моих обнаружилось отставание, небольшое, но достаточное, чтобы я не смела записывать секунды как достоверные. Я внесла поправку рядом со временем появления прохода.

— Ваш механизм всё время меняет положение? — спросила я, показывая на несколько отметок в тетради.

— В ночной час — да, — ответил он. — Порядок переключений мы знаем. Какие соединения за ними сохраняются в повреждённом поясе, приходится проверять.

— И вчера ночью он работал как обычно?

— По показаниям поста — как в последние ночи.

Я повернула к нему рисунок стены.

— Тогда одного показания мало.

— Потому я здесь.

Он сел рядом с Сабиной. Правая рука лежала на колене в перчатке, свободной он придерживал раскрытую тетрадь. Мне пришлось подвинуть свои листы, чтобы им обоим хватило места. Я заметила, что делаю это с досадой: к утру уже успела присвоить весь стол.

На последней странице тетради была полоска плотной бумаги с короткими зарубками. Я приняла её за ещё одну меру, пока не увидела даты.

— Что вы считаете?

— Ночи до зимнего замыкания, — сказала Сабина.

Она провела пальцем по ещё не зачёркнутым отметкам.

— Сорок одна, включая сегодняшнюю.

— А потом?

Ренар отпустил край листа. Бумага приподнялась сама, и Сабина прижала её линейкой.

— В конце солнцеворотной ночи защита закрепляет границу, с которой встретит новый цикл, — ответила инженер. — В обычном порядке мы до этого проверяем кладку, согласуем все положения. Сейчас она закрепит повреждение. Те соединения, которые ещё удаётся получить, перестанут открываться нашим способом.

Я посмотрела на полосу с зарубками. Их было много, но подсчитать нетрудно.

— Если там живые люди, мы должны успеть раньше.

— Да.

— Вы знаете, как их вывести?

— Нет, — сказала Сабина. — Пока у нас нет даже проверенного пути к этой лестнице.

Я провела пальцем по вчерашнему рисунку и остановилась на белой полосе в глубине прохода. До неё мы пока даже не измерили расстояние.

— Тогда сегодня проверяем это место, — сказала я. — После разговора запишем всё, что успеем услышать.

Ренар подвинул мне тетрадь поста.

— До вечера сделают копию нужных страниц.

— Всех за последние ночи. И две более ранние, для сравнения.

Он посмотрел на Сабину. Та кивнула.

— Принесут, — сказал он.

Мне хотелось спросить о зарубках и его руке. Что именно останется от человека, если крепость закрепит повреждение, которое он каждый вечер держит собой. Я посмотрела на перчатку и отвела взгляд. Вопрос никуда не исчез, но я ещё не умела задавать его Ренару, не добавляя к нему собственного гнева.

До заката мы успели закончить общую схему комнаты. Выбрали две отметки на неповреждённой кладке, записали положение лавки и стола. Сабина запретила царапать старую арку и позволила закрепить возле бокового шва полоску бумаги, чтобы изменение можно было увидеть, не касаясь рамы.

Тея принесла ужин и ушла в новую спальню распаковывать мои вещи. Я задержала её у двери.

— На ночное наблюдение вы можете не приходить.

— Я хотела бы.

— Из-за меня?

Она нахмурилась.

— Я тоже слышала людей.

Я уступила ей дорогу. О том, чего хотела сама Тея, я до сих пор не спросила.

Перед одиннадцатью в комнате уже было тесно. Мара поставила караульного у двери, Сабина разложила приборы. Тея села за стол с листом для записи. Мне оставили место перед лавкой, так чтобы я могла говорить в сторону проёма и при этом видеть капитана.

Ренар пришёл на несколько минут. Проверил, куда будут передавать сообщение, если понадобится срочно связаться с его постом. Разговаривал с Марой, не давая мне дополнительных указаний.

На выходе он остановился рядом со мной.

— Если ответит, сначала спросите, сколько их, — сказал он.

Я посмотрела ему в лицо. Его самого когда-то предупредили о числе людей. Он знал, почему вопрос важен.

— Сначала я проверю, что это он.

Ренар кивнул.

— Хорошо.

Я вернулась к часам. До одиннадцати оставалось совсем немного.

Ровно в одиннадцать снизу дошёл удар механизма. Я увидела, как Сабина подняла голову, дождалась продолжения и сделала отметку. Мы молчали.

С последним звуком над лавкой появилась тень.

Вчера мне показалось, что вся кладка разом отступила. Теперь, глядя в выбранную точку, я различила перемену: край старой арки перестал совпадать с блоком внутри неё. За блоком открывался участок другого помещения. Свет наших ламп ложился туда под углом, которого на дневной стене не было.

Но вчерашней известковой полосы в глубине я не увидела. Там выступал высокий каменный край, над ним уходила вверх тёмная стена.

— Натан? — позвала я.

Никто не ответил. Сабина показала на мой лист, и я зарисовала то, что могла различить. Мне хотелось подвинуть лампу за лавку. Я оставила её на месте.

Минуты шли. Тея осторожно переложила карандаш, в коридоре караульный переменил ногу. Из камина осыпалась мелкая зола. Проход оставался безмолвным, и я всё чаще смотрела на часы.

На двадцатой минуте снизу снова дошёл глухой удар. Дальний край перестал ловить свет. Вместо него за поворотом проступили две светлые кромки, одна выше другой, а за ними — знакомая белая полоса.

— Отметьте, — тихо сказала Сабина.

Я записала время. Арка перед нами оставалась на прежнем месте; изменилось то, что виднелось за ней.

Тёмный промежуток стал шире, но в глубине всё ещё не было видно конца. Мы оставались за лавкой. Мне казалось, что если сейчас не позвать, возможность исчезнет прежде, чем я решусь.

— Натан!

Ответа не было.

Я повторила. Голос вышел резким, и Мара встретилась со мной взглядом.

Я подняла ладонь: слышу.

Сабина приглушила ближнюю лампу. В глубине всё равно осталось немного света. Тёплая неровная полоска легла на известь и исчезла, словно по ту сторону заслонили свечу.

Тея быстро что-то записала.

— Кто-нибудь меня слышит? — спросила я. — Мы снаружи. Меня зовут Альвина Веллар.

Вдалеке раздался стук. Потом другой, ближе. Сквозь низкий шум, который всё время шёл от стены, прорезался мужской голос.

— Альвина?

Я зажала пальцами край папки.

— Да. Я здесь.

— Опять ты… Я думал…

Остальное утонуло в шуме. Я уже хотела ответить, что приехала вчера, что всю ночь не могла отойти от стены, что Ирма уехала, но ждёт письма. Слова теснились, мешая выбрать хоть одно.

Мара коснулась своего листа. Напомнила о вопросе, который мы обсуждали днём.

Я вдохнула и спросила:

— В чём мы прятали деньги на море?

Сабина повернулась ко мне. Вопрос ничего ей не говорил.

Треск у арки стал громче. Я решила, что придётся повторить, но по ту сторону ответили:

— В чайнике. Без носика.

Я закрыла глаза.

Он стоял в старой летней кухне, на самой дальней полке. Мы с Натаном складывали туда монеты, собираясь однажды уйти к морю без Ирмы и её вечных планов. Я была достаточно взрослой, чтобы понимать, сколько стоит дорога, и всё равно участвовала. Чайник так и остался на полке, когда мы перестали о нём говорить.

— Ты свою долю забрал, — сказала я.

— Вернул.

Ответ прозвучал ясно, с тем самым возмущением, которое я знала. Я сжала папку сильнее. Под пальцами треснула сухая кожа обложки.

— Натан.

Мне не удалось вложить в его имя ничего из того, что я хотела сказать. Только выдохнуть.

— Ты где? — спросил он.

— В Вороньей Страже. В жилом крыле. Здесь открывается проход.

— Не лезь…

Шум оборвал фразу. Я наклонилась, стараясь поймать звук между толчками. Мара легко коснулась моего плеча, и я выпрямилась.

— Сколько вас? — спросила я. — Сколько живых?

Ответ пришёл не сразу.

Я успела подумать, что он один. Что число из отчёта давно не имеет отношения к людям, которых можно вернуть. Что мы разговариваем слишком медленно и тратим время на чайник, когда следовало спросить другое.

— Двадцать один.

Сабина подняла голову. Тея перестала писать.

— Повтори, — сказала я. — Я должна записать точно.

— Двадцать один человек. Альвина, вы…

Послышался другой голос, женский. Он что-то спрашивал у брата. Натан ответил уже в сторону, и я разобрала только слово «сестра».

Мне хотелось заговорить с этой женщиной. Спросить, рядом ли она с ним, есть ли у них вода, что у Натана болит и почему он не уходит оттуда. Я задала два вопроса подряд и сама поняла, что снаружи они, должно быть, превратились в одну длинную фразу.

Ответ потерялся.

— По одному, — сказала Сабина. — Коротко.

Я кивнула и спросила, может ли Натан идти.

За стеной что-то ударило. Светлая полоска на дальнем камне сузилась. Голос появлялся обрывками; я услышала «потом» и «не трогайте», но не смогла установить, относятся ли они к моему вопросу.

Мара показала мне часы.

Я видела, что остаётся меньше минуты до той перемены, которую мы заметили вчера. Никто ещё не обещал, что сегодня она произойдёт в то же время. Бумажная полоска у бокового шва уже выгнулась.

— Мы вернёмся, — сказала я. — Я слышала. Двадцать один. Будем искать путь.

Голос ответил. Возможно, повторил моё имя. Потом звук изменился: вместо отдельных толчков появился низкий ровный гул.

— Отходим, — произнесла Мара.

Я отступила к столу.

Проход ещё существовал, но известковая стена в глубине ушла из света. За поворотом показалось что-то тёмное, с ровным верхним краем. Я не смогла понять, ступень это или перекрытие. Сабина продолжала смотреть, не делая шага вперёд.

Тея записывала услышанное. Карандаш двигался у неё быстро, почти сердито. Я тоже взяла свой и увидела, что на листе уже стоит число — крупное, неровное, обведённое дважды.

Двадцать один.

Оставалось десять человек, о которых я ничего не знала. Надежда не позволяла сделать вид, будто в отчёте было другое число. Я написала рядом: «31 — до закрытия». Под ними оставила место.

До полуночи никто не ушёл. Мы смотрели на проход, который больше не отвечал, и на часы. Когда камень снова заполнил арку, Сабина подошла настолько, чтобы разглядеть бумажную полоску, и велела оставить её до утра.

— Снимем размеры при свете, — сказала она. — Сегодня к кладке не прикасаемся.

Тея положила передо мной свой лист. Там тоже стояло двадцать один. Ниже — женский голос, затем моё имя. Ответа про чайник на её листе не было.

— Это был ваш брат? — спросила она.

— Да.

Слово вышло слишком быстро. Я посмотрела на Сабину.

— По голосу и по ответу, — добавила я. — Имя женщины мы не знаем. Других имён пока тоже нет.

Инженер кивнула и записала именно так.

Когда Мара увела Тею отдыхать, я осталась складывать листы. Руки начали дрожать только теперь, и соединить три уголка оказалось труднее, чем задавать вопросы в тёмный проход.

Ренар пришёл после окончания своего часа. В дверях остановился, будто ему понадобилось перевести дыхание. Правую руку он держал в перчатке, но левый манжет был расстёгнут и на нём виднелась вода.

Я поднялась так резко, что стул ударился о ножку стола.

— Он ответил.

Ренар посмотрел на меня, потом на листы. Я отдала ему тот, который написала сама.

Он прочёл ответ про чайник, число, время. Не спросил, почему я выбрала именно такой вопрос. Под моим листом лежала запись Теи, рядом — Сабины.

— Натан? — спросил он.

— Я уверена, что это он. Остальные слышали разговор. Число повторил дважды.

Ренар опустился на свободный стул. Левая рука сжалась на краю бумаги. Я подождала, пока он дочитает.

— Я должна отправить Ирме весть, — сказала я.

— Гонец будет готов к утру.

— Не о спасении. О разговоре. И о том, что он назвал двадцать одного живого.

— Так и напишите.

Мы некоторое время сидели молча. За дверью снова стало слышно обычную крепость: шаги караульного, скрип дерева в камине, тихий разговор внизу. Те же звуки, с которыми ещё вчера я оставалась здесь одна.

— Вы назвали мне тридцать одного, — сказала я.

Ренар поднял глаза.

— Да.

— Десять не исчезают из-за того, что мы услышали остальных.

Он положил лист на стол, точно совместив его край с другими.

— Не исчезают.

Он молчал. Я снова посмотрела на два числа; между ними оставались десять неизвестных судеб.

Сабина оставила раскрытой тетрадь с календарём. Две ночи уже прошли с моего приезда. До зимнего замыкания оставалось сорок.

Я достала чистый лист. На нём ещё помещалось всё, чего мы не знали.

— Завтра мне понадобится та лестница, которую рисует Тея, — сказала я. — И ваши ночные отметки. Одинаковые стены не означают одинаковый путь.

Ренар придвинул лампу ближе к середине стола, оставив место для моей руки.

Я провела линию от рабочего покоя к старой арке. Дальше не стала рисовать ничего. Только поставила рядом время, когда из-за неё ответил брат.

Глава 4. Карта с часами

Гонец ждал во дворе, придерживая за повод двух лошадей. На второй лежала пустая дорожная сумка: ответ Ирмы обещали привезти, как только он будет готов.

Я спустилась с письмом после восьми. Воск на сгибе ещё не успел остыть.

«Натан ответил на наш вопрос о чайнике. Назвал двадцать одного живого. Разговор слышали ещё трое. Мы пока не знаем, кто с ним».

Дальше шли сведения о дороге. В конце я написала, что спала, хотя к этому времени успела проспать всего пять часов. Ирма наверняка заметила бы отсутствие такой строки и отправила человека, которому велено укладывать меня силой.

— Лично владетельнице, — сказала я гонцу.

Он убрал письмо во внутренний карман.

— Если её уже не будет в нижнем доме, поеду к перевалу. Нас предупредили.

Я проводила его до западных ворот. Утренний воздух пах мокрой шерстью и дымом из обозного лагеря. Колёса снова шли по дороге; на повороте возница ругался с человеком, который поставил бочку слишком близко к каменной тумбе. Их спор слышался до самого двора. Обычная, живая брань оказалась хорошим сопровождением для письма.

Ренар стоял у бокового входа в Зал Створа. Дверь перед ним придерживал Тибор; сам маршал левой рукой переворачивал большой лист.

— Уехал, — сказала я.

— Видел.

Я задержалась рядом. Ночью мне хотелось только добраться до брата. Теперь за воротами удалялся человек, который вёз Ирме надежду, и я почувствовала, как мало умею распоряжаться даже тем, что уже узнала.

— Я не написала, когда мы его выведем.

Ренар свернул лист.

— Пока нечего написать.

— Знаю.

Он посмотрел в сторону ворот, где ещё виднелся круп белой лошади, и подождал. Потом спросил:

— На башню пойдёте сейчас?

Я кивнула и протянула руку за листом. Это был наружный план крепости. В правом углу стояла старая дата, вдоль восточного края темнело пятно от воды.

Сабина ждала нас у лестницы с помощником и длинной мерной цепью. Цепь лежала в деревянном ящике аккуратными петлями. Рядом Тея придерживала доску со своим рисунком.

— Мне бы сначала посмотреть из галереи, — сказала я. — Оттуда станет ясно, к какой стене она подходит.

— До одиннадцати галереи здесь нет, — напомнила Сабина.

— Я хочу начать ночью с дальнего поворота. Иначе снова потратим окно у входа.

— А возвращаться будете по чему? — спросил Ренар.

Я развернула план прямо поверх ящика.

— По этому участку, если Тея верно помнит лестницу.

Девушка сразу подвинула свою доску.

— До войны я ходила здесь. Теперь с той стороны дверь не открывается.

На официальном листе обе двери выходили в одну короткую галерею. На её рисунке между ними помещались лестница и площадка, с которой выносили мокрое бельё. По высоте это были разные этажи.

— Поэтому сперва наружные отметки, — сказал Ренар. — Я могу рассказать, где выходил сам. Вчера вы уже видели, сколько стоит такая память.

Мне не хотелось терять день на стену, к которой можно было подойти без всякой опасности. Я посмотрела на две несовместимые лестницы и взяла короткий конец цепи.

С башни было видно, как уступ уходит под лечебное крыло. Часть крыши лежала ниже уцелевшей стены; снег задерживался на обломанных стропилах узкими серыми полосами. За тёмными окнами ничего не двигалось. Отсюда трудно было даже поверить, что мы разговаривали с кем-то внутри.

Я проверила высоту подоконника, потом расстояние между наружными реперами. Сабина называла показания по своей тетради, помощник держал цепь. Ренар встал у дальней отметки и прижал конец левой ладонью. Правый рукав он убрал за спину, чтобы не задеть звенья.

На восьмом промере цепь провисла.

— Ещё немного, — попросила я.

Ренар потянул сильнее. Я посмотрела через простую визирную рамку и покачала головой.

— Теперь слишком много.

Он ослабил натяжение.

— Это самое короткое назначение, которое мне давали за последние месяцы.

— И вы уже дважды его испортили.

Сабина фыркнула, склонившись над тетрадью. У Ренара дрогнул угол рта.

Я снова навела рамку. Волосы лезли в глаза, пальцы мёрзли в слишком тонких перчатках, а показание наконец совпало с соседним. Несколько минут мы занимались вещью, которую можно было закончить и признать законченной. Я даже не сразу поняла, почему мне стало легче дышать.

Тея подошла к зубцу стены.

— Вот это окно было над сушильной площадкой. Я помню железный крюк. На него цепляли верёвку.

Крюк сохранился. Виднелась только верхняя половина, остальное скрывала кладка другого угла.

Я повернула план.

По официальному чертежу окно должно было находиться почти под нами. Фактическое расстояние уводило его к югу. Даже с поправкой на неточность старой съёмки промежутка между стенами не хватало для нарисованной там лестницы.

— Откуда этот лист? — спросила я.

— Исполнительная копия после последнего ремонта, — ответила Сабина. — Я делала по ней первую схему обходов.

Она вынула карандаш и поставила возле спорного угла знак вопроса.

— Мои наружные размеры совпадают с вашими. С листом — нет.

Тея пальцем показала на свою кривую лестницу.

— А у меня здесь помещается.

— Пока помещается, — сказала я. — Вечером проверим, что уцелело.

Мне хотелось забрать её рисунок себе, но я попросила сделать копию. Оригинал девушка держала обеими руками; на нём уже появились две новые пометки, которых не было утром.

В рабочем покое мы разложили листы рядом. Сабина принесла крепостной календарь, раскрытый на зимнем солнцестоянии. Под напечатанной датой я поставила отсчёт от дня приезда: сорок второй день, конец ночного часа. Потом пересчитала клетки ещё раз.

— Сегодня сорок окон, включая предстоящее, — сказала я.

— Да, — ответила Сабина.

На отдельной полоске я написала крупно: «42-й день. К полуночи». Приколола её над столом, где она не могла затеряться под измерениями.

Ренар смотрел на эту полоску дольше, чем на календарь. Затем положил рядом с моим рисунком таблицу поста.

— Для ночи нужны короткие команды. Пока сообщение дойдёт от галереи сюда, а отсюда ко мне, у вас уйдёт время. Если начнёте объяснять весь чертёж, я получу конец уже после перемены.

Мы стали выбирать, что можно передать несколькими словами.

Тибор записывал обозначения. Его пост соединялся со Створом обычной сигнальной тягой, проходившей по устойчивой стене. Из галереи к нему приходилось передавать голосом через человека у входа; дальше он повторял условленные удары и отправлял короткую записку помощнику Ренара. Ответ возвращался тем же путём.

Первую нашу фразу Тибор прочёл и отложил.

— Если я это забуду, пока повернусь, лучше будет всем.

Ренар протянул ему карандаш.

— Сократите.

Вместо «верхнее соединение не соответствует прежнему положению башенной двери» осталось: «Башенная пара не сошлась». Вместо просьбы продолжать наблюдение — названная отметка и время возврата.

Сабина настояла на двух независимых признаках для каждого найденного участка. Одной трещины оказалось мало: одинаковый рисунок извести можно было принять за знакомый. Мы выбрали чугунную головку старого крепления в стене галереи и высотную риску, связанную с наружным башенным репером. Одна помогала узнать место, другая проверяла его положение относительно неизменённой части крепости.

— И никто не идёт один, — сказала Мара, появившаяся с двумя караульными. — Даже на три шага. Вы друг друга видите и возвращаетесь вместе.

Тея подняла глаза.

— На обычной лестнице тоже?

— В отмеченном поясе и рядом с ним. Пока не поймём, куда он растёт.

Я вписала это под обозначениями. Рабочий лист пришлось начать заново: на первом рядом с маршрутом уже не помещались условия, при которых ему можно доверять.

После обеда Ренар принёс из Зала Створа снятую при ремонте железную скобу. На одном конце сохранился камень, на другом металл был вытянут и лопнул.

— Вы вчера хотели проверить рукой край арки, — сказал он.

— Хотела понять, сплошной ли там камень.

Он поставил скобу на стол. Сабина придержала её, чтобы тяжёлый край не опрокинул чернильницу.

— Эта соединяла две части одной рамы, — продолжил Ренар. — Когда прижим поменялся, они сдвинулись на толщину ногтя. Здесь хватило, чтобы разорвать железо.

Я провела карандашом по светлому излому. Две половины металла не совпадали, хотя промежуток между ними казался ничтожным.

— По нагрузке сейчас понятно, что держит наружный край? — спросила я.

— Только по показаниям пары, — ответила Сабина. — Рука точнее не скажет.

— Тогда меру к шву не прикладываем. Снимаем от устойчивого камня.

Ренар убрал скобу. Она оставила на бумаге чёрную пыль.

До ночи ещё было время. Я собиралась переписать таблицу, но обнаружила, что второй раз выводила одну и ту же строку. Тея молча забрала у меня чистые листы.

— Эти я пока отнесу в спальню, — сказала она. — И вас туда тоже.

Я посмотрела на испорченную запись и пошла. Проснулась уже под вечер, когда во дворе начали зажигать фонари.

К одиннадцати мы стояли у лавки в рабочем покое. На мне было старое дорожное платье, поверх — короткий тёплый кафтан. Мара проверила застёжку лампы у моего пояса, Сабина взяла складную меру. Нам предстояло пройти первый участок вдвоём. Капитан оставалась у входа и передавала слова Тибору; Тея отмечала время.

Ренар ушёл к Створу заранее. Перед уходом мы ещё раз сверили рабочее положение верхнего прижима. На его таблице стояли две риски; переносить нагрузку дальше второй в эту ночь не собирались.

Когда внизу ударил механизм, арка открылась.

Я вошла вслед за Сабиной. Под ногами оказался сухой каменный пол. Он пах пылью, как давно закрытый сундук, а воздух у стены был холоднее, чем в рабочем покое. Первые шесть шагов не дали ничего нового. На седьмом я увидела головку крепления.

— Есть первая, — сказала я.

Сабина поставила свет у своих ног и подняла меру. Высотная риска тоже совпала.

За коротким прямым участком галерея поворачивала. Верхняя кромка дальней двери ловила свет, нижняя уходила в тень. По официальному плану нужно было повернуть к ней, чтобы выйти на башенную площадку и вернуться с другой стороны. Оттуда ещё днём убрали всё, что могло мешать проходу.

Я сделала несколько шагов и остановилась.

За дверью не было окна.

Вместо него свет падал на наклонный каменный край. На наружной площадке в это время должен был стоять второй фонарь; его не было видно.

— Сабина.

Она подошла ко мне, оставаясь с той же стороны рамы. Мы отмерили расстояние назад. Я проверила высоту по риске. Цифра не оставляла сомнений: знакомая по рисунку дверь находилась ниже нужного выхода.

Позади темнела арка рабочей комнаты. Пока путь назад был открыт, но впереди камень тихо постукивал о железо. Светлая пыль сыпалась на край порога.

— Башенная пара не сошлась, — сказала я в сторону Мары. — Выход по старому листу не подтвердился. Возвращаемся по галерее.

Ответ Ренара пришёл не сразу. Я слышала, как Тибор повторил условленный сигнал, потом перестала различать слова. Сабина подняла лампу. На верхнем шве проступила тонкая дрожащая полоска.

Мара передала:

— Створ спрашивает: на прежней ли риске верхнее ребро?

Я посмотрела на меру.

— Нет. Ниже на одно деление. Крепление узнаётся, положение другое.

Сабина проверила число сама и добавила:

— Нужно второе положение верхнего прижима. По первой метке нажим идёт на край. Пару не размыкать.

Я повторила короткую команду, и Мара передала её дальше.

Мы отошли от рамы к цельному участку стены. В проёме никого не было.

По старой схеме Ренару следовало удерживать другую сторону. Мы обсуждали это днём, пока лист ещё лежал между нами ровным и понятным. Сейчас на его посту были только наши слова и показания, которые он не мог увидеть.

Камень перестал постукивать. Пыль ещё некоторое время падала, затем осела на пороге.

— Второе положение. Принято, — донёсся голос Мары.

Сабина подняла ладонь: ждём. Она сверила контрольную риску; я снова проверила оба признака. Мы записали время, и только тогда инженер повернулась ко мне.

— Назад. По своим.

Мы вернулись к лавке за пять минут до смены. Я сняла лампу и поставила её на стол слишком резко. Пламя дёрнулось под стеклом.

В двадцать минут дальнее соединение ушло из света. Вместо высокого края появилась уже знакомая известковая полоса.

Я позвала брата. Спросила, слышит ли он нас. Из глубины донёсся шорох и два коротких удара; слов я не разобрала.

— Натан, нам нужны имена. Кто с тобой?

Тея наклонилась к своему листу. Мы ждали. По ту сторону кто-то заговорил, но глухой треск у поворота съел середину фразы. Осталось только «не… слышу» — даже порядок этих слов я не решилась записать как точный.

В сорок минут изменился и этот участок. Теперь за галереей лежал низкий обход. Мы наблюдали его от входа, не пытаясь за оставшиеся минуты превратить догадку в маршрут.

После полуночи я вычеркнула из схемы красивую петлю возврата через башню. Линия была проведена чернилами, и исправление получилось грязным.

Ренар пришёл, когда Сабина ещё складывала приборы.

— У верхней рамы было другое положение, — сказала я прежде, чем он успел спросить. — Мы оба признака проверили.

— Я получил ваши числа.

— А на вашем листе выход выше.

Он положил на стол свою таблицу. Возле старой пометки уже стояла новая, сделанная торопливым неровным почерком.

— Завтра начнём с повторной сверки, — сказал он. — Второе положение. То же время.

Я провела рядом с маршрутом отдельную строку для положения Створа. Ренар подождал, пока я допишу, и подал мне крышку от чернильницы, которую я второй раз чуть не задела рукавом.

На следующий день я проснулась с ощущением, что забыла какой-то необходимый вопрос. Он вспомнился, пока Тея наливала воду в таз.

— С какой стороны сушильной площадки стояла дверь?

Девушка повернулась ко мне, всё ещё держа кувшин на весу.

— Со стороны лестницы.

— Это я помню. Открывалась на вас или от вас?

— От меня. Иначе корзина не помещалась бы на ступени.

Я вытерла руки о полотенце и пошла за вчерашним листом.

Во время войны я не раз получала карты, на которых достаточно было перевернуть обозначение двери, чтобы носилки упёрлись в створку. Здесь такого знака вовсе не было. Ремонтный чертёж показывал пустой прямоугольник; лестницу рядом с ним подвинули так, чтобы получилась удобная прямая линия.

К полудню мы с Сабиной нашли старые гнёзда петель на наружной башенной площадке. Высота совпала с рассказом Теи. Под слоем раствора проступил край замурованного проёма, расположенного на полпролёта выше нарисованной двери.

Я очистила кистью квадрат размером с ладонь. Дальше раствор не трогали.

— Ночью здесь должен быть высокий выход, — сказала я. — А мы смотрели на нижнюю раму.

Сабина приложила меру к уцелевшему шву.

— Теперь это можно проверить с обеих сторон.

На площадке остался караульный с лампой. Перед ночным часом он должен был занять то же место и отвечать на стук. Его путь вниз шёл по обычной наружной лестнице; ждать окончания окна в повреждённой двери ему не требовалось.

Остаток дня ушёл на неудобную работу с копиями. Каждая из них показывала знакомую стену иначе. Я наложила тонкий лист на наружный промер, отметила два неизменённых угла и только потом стала переносить внутренние участки. Там, где сведений не хватало, бумага оставалась белой.

Тея принесла мне горячий суп. Я подвинула листы, освобождая место для миски, и заметила на манжете след вчерашней железной пыли. Ренар оставил скобу у Сабины, но чёрная полоса путешествовала со мной весь день.

Вечером мы показали ему новый лист.

Он долго сравнивал две высоты, потом сказал:

— Я помню дверь ниже.

— Она там есть. Только ведёт в другое место.

Ренар коснулся карандашом старого пути.

— Здесь выносили людей после первой попытки. Отсюда ошибка и перешла на мой лист.

Я посмотрела на нарисованный поворот. Это было единственное место, где его пометки до сих пор совпадали с официальной копией без поправок.

— Записи той группы сохранились?

— Да. Когда закончим эту сверку, я отдам вам всё дело.

— Мне понадобятся и неудачные промеры.

— Других там почти нет.

Он сказал это без улыбки. Я сложила копии и оставила вопрос до времени, когда смогу выслушать ответ целиком.

В ночь четвёртого дня прижим оставили в том же положении, на котором закончили работу накануне. Мы сверили метки до входа. От галереи пошли вверх: две широкие ступени, короткий поворот, потом боковой проём, который вчера почти не освещала наша лампа.

Я постучала по целому камню у стены.

С той стороны ответили.

Сабина подняла свет. Впереди блеснул край караульного шлема, и через несколько шагов мы вышли на знакомую башенную площадку. Холодный ветер ударил в лицо с такой силой, что я рассмеялась. Караульный посмотрел на меня с недоумением.

— Просто хороший ветер, — сказала я.

Он оглянулся на обрыв и, кажется, решил не уточнять.

До смены оставалось достаточно времени для возврата. Мы повторили путь в обратную сторону, сверили обе отметки и вышли к Маре. На листе появилась первая сплошная линия, которую мне не хотелось немедленно стереть.

После двадцатой минуты башенный выход исчез. Мы вновь прошли знакомый прямой участок. За поворотом вместо высоких ступеней открылась низкая площадка; дальше виднелось начало узкой лестницы. Её нижнюю часть скрывал выступ кладки.

Сабина остановила меру на границе цельного пола.

— До этого места. Дальше рама не осмотрена.

Из-за выступа донёсся кашель. Я позвала Натана и успела услышать ответ, но по соседнему шву прошёл дребезг. Голос будто раздробило о камень. Я записала только обращение ко мне; ни одного нового имени мы не получили.

Подход к лестнице пришлось оставить пунктиром. Нам уже была известна его сторона, но безопасного пути к самой щели ещё не было.

Перед сороковой минутой мы вернулись в рабочий покой. Когда соединение переменилось, пошли на последний короткий осмотр. Нижний обход оказался тесным, с влажным полом

и глухим концом. За ним по старой схеме начиналась служебная лестница к цистерне, однако здесь не было даже дверной выемки.

Сабина приложила зеркало к углу и повернула его. В отражении я увидела цельный шов и собственный свет.

— Записываем тупик, — сказала я.

— До следующего изменения, — добавила она.

Мы вышли задолго до полуночи. У Мары уже лежали три листа с одинаковым началом и разными продолжениями. Я соединила их в одну таблицу. Возле каждой дороги стояли время, положение прижима и признаки, без которых линия снова становилась предположением.

Тея заглянула мне через плечо.

— Если дать человеку один лист, он выберет самый короткий.

Она показала на нижний обход. В длину он и правда выглядел заманчивее остальных.

— Поэтому один не дадим.

Я написала вверху: «Дни третий и четвёртый. Проверено при втором положении верхнего прижима». Ниже добавила время обязательного возврата для каждого участка.

Ренар пришёл после своего часа и сел на край свободного стула. Когда я повернула к нему таблицу, он сначала нашёл вычеркнутый прежний путь, потом проследил взглядом верхнюю линию.

— Вы вышли на площадку?

— И вернулись тем же путём. Ветер подтвердит.

Он посмотрел на меня, и я улыбнулась ему.

Ренар снял перчатку с левой руки и положил её рядом с таблицей.

— Теперь я хотя бы знаю, где вы будете, когда получите мой ответ.

От усталости хотелось сказать что-нибудь неуместное, например что я тоже предпочла бы знать это заранее. Я ограничилась тем, что подвинула ему чашку, которой ещё никто не пользовался. Тея принесла чай; мы допили его, пока Сабина вписывала последние показания.

На выходе из рабочего покоя Мара остановилась у служебной лестницы.

На белой полоске, наклеенной утром поперёк шва, чернел разрыв.

Капитан подняла лампу. Трещина спускалась ниже вчерашней отметки и уходила за угол, к площадке, по которой Тея ходила за бельём.

Сабина провела рядом новую черту, не касаясь повреждённого шва.

— Утром снимем весь участок, — сказала она.

Мара велела перекрыть ближний пролёт. Тея показала, по какой другой лестнице можно добраться до хозяйственных комнат. Её голос звучал уверенно: там она была ещё до ужина.

Я повернулась к двери рабочего покоя. На столе остались три только что проверенные дороги. За спиной караульный уже натягивал поперёк лестницы верёвку.

Глава 5. Человек по другую сторону

К полудню пятого дня бельевые корзины заняли половину жилого коридора.

Мара распорядилась освободить две хозяйственные комнаты у треснувшей лестницы. Тея выносила оттуда простыни и тёплые покрывала вместе с караульным. Из-за его роста корзина всё время кренилась к ней, и девушка наконец велела ему взяться за ручку ниже.

— Тогда я буду ходить согнувшись, — пожаловался он.

— Зато я пойду по полу.

Я убрала с дороги связку мерных реек. Люди проходили мимо нас с Сабиной, обходя расставленные приборы; в одной корзине сверху лежала детская рубашка. Кто-то жил в комнатах у лестницы прежде, чем они стали складом. Я поймала себя на том, что начинаю замечать эту крепость только тогда, когда из неё что-нибудь уносят.

Новая трещина за ночь опустилась на ширину пальца. Дальше шов оставался целым. Мы проверили боковой коридор, по которому шла переноска, и лестницу к жилому этажу. Оба участка лежали за пределами отмеченного повреждения; на дневном промере их расстояния сошлись.

Сабина не стала стирать вчерашнюю линию. Провела рядом вторую и написала время.

— Сколько ещё может уйти? — спросила я.

Она посмотрела вдоль стены.

— До следующей несущей пары. Если остановится на ней.

— А если нет?

— По наружной риске увидим. Насколько заранее — обещать не буду.

Мара подошла с ключами от освобождаемых комнат.

— Сегодня внутрь галереи не пойдём. Наблюдаем от жилой стороны. На боковом коридоре поставлю ещё человека.

Мне оставалось только согласиться. Вчерашний выход к башне занимал несколько минут, а записанное возле него время всё ещё радовало глаз. Я прикрыла лист другим, чтобы не строить вечер по удаче прошлой ночи.

Ренар пришёл перед обедом. Выслушал Сабину, осмотрел обе черты на стене и попросил вынести из дальнего конца коридора тяжёлый сундук с запасным железом.

— Это изменит показания, — сказала я.

— Да. Запишем, когда снимут нагрузку. Ночью он не должен оказаться у края.

Мы снова прошли весь участок после переноски. Риски совпали; трещина перестала осыпаться. Тея, уставшая от наших повторных проходов, поставила последнюю корзину у новой кладовой.

— Покрывала для ночных постов возьму отсюда, — сказала она Маре. — Старые двери запру сейчас.

Капитан забрала у неё ключи и отправила с корзиной того же караульного. После обеда Тея получила несколько свободных часов. Я видела, как она устроилась у кухонного окна с чужой рубашкой, которую согласилась подшить, и мысленно позавидовала работе с понятным краем.

Вечером никто не говорил о новой попытке добраться до брата. Я заранее приготовила короткие вопросы, чтобы не тратить связь, если она появится. Первый касался имён, второй — воды. На отдельном листе осталось число двадцать один. Я положила его под лампу.

До начала часа Ренар пришёл сверить последние показания. Увидел мои вопросы, прочёл и вернул лист.

— Если голос уйдёт в другой поворот, не пытайтесь поймать его одна.

— Мара будет рядом.

— Знаю.

Он хотел сказать что-то ещё. Я ждала, держа бумагу за нижний край. Ренар посмотрел на часы и ушёл.

В одиннадцать арка открылась, как в предыдущие ночи. Чугунное крепление было видно с порога, однако высотная риска не сошлась.

Сабина подняла руку.

Мы остались в рабочем покое.

На верхнем шве появилась тёмная полоска. Мара передала наблюдение Тибору. Ответ со Створа был коротким: прижим сохраняет положение, новое расхождение зарегистрировано.

Я перечеркнула возле верхнего обхода слово «проверено» и поставила время. Рука на мгновение задержалась над бумагой. Схема прожила меньше суток.

За дверью быстро прошли люди. Тея несла покрывала на обычный караульный пост у боковой лестницы; второй конец корзины держал знакомый высокий стражник. Они остановились у кладовой, чтобы взять ещё одну связку.

До отмеченного вчера повреждения оттуда было два целых пролёта. Я сама измеряла этот промежуток днём.

В двадцать минут дальняя часть галереи сменилась. На месте известковой полосы сразу стало светлее. Сабина шагнула ближе к лавке, и в ту же секунду со стороны бокового коридора раздался удар.

Потом кто-то крикнул.

Мара уже была у двери. Я побежала за ней, едва не опрокинув табурет.

На площадке стоял караульный с половиной ручки в руке. Белая простыня уходила под стену, которой днём здесь не было.

— Тея? — спросила Мара.

Он показал на новый угол.

— Она на двух ступенях ниже была. Повернулась ко мне. Потом камень… Я видел её до самого удара.

Он попытался отодвинуть свисающую простыню. Сабина перехватила его руку.

— Оставьте.

Ткань тихо натянулась и лопнула, словно по ту сторону её дёрнули. Ни ветер, ни человек так ровно не отделили бы узкую белую полосу.

Я отступила от нового угла.

— Тея!

Ответ пришёл снизу и справа:

— Здесь.

Голос был близко. Я бросилась к прежнему спуску, но Сабина встала у меня на пути.

— Там больше нет площадки. Смотрите на наружную стену.

В стене виднелось окно — высокое, с выщербленным нижним углом. Днём оно было над нашей головой. Теперь свет моей лампы доходил до его подоконника почти прямо.

Я остановилась и приложила к камню ладонь, выбирая целый участок подальше от нового шва. Камень был холодным и неподвижным. Путь, по которому я собиралась бежать, уходил в другую высоту.

— Вернуться через галерею, — сказала я. — У неё был боковой выход к этой площадке. Если часть соединения сохранилась…

— Сначала проверим, — ответила Сабина.

Мара оставила караульного у края, велела говорить с Теей и не приближаться. Тибор уже передавал сообщение в Зал Створа. Я слышала его голос из рабочего покоя, отдельные короткие слова: новый разрыв, человек снаружи, служебный карман.

Мы вернулись к арке. Между двумя знакомыми стенами теперь открывалось ответвление, которого вчера не было. По нему тянуло сырым воздухом. За низким каменным выступом я увидела выщербленный угол окна.

— То же, — сказала я.

— Одного мало.

Сабина подняла меру. Я нашла на боковом простенке старое крепление полки, сверила его высоту с утренней записью. Оба признака сошлись.

Мы стояли с другой стороны кармана, на целом полу ниже Теи. Площадка находилась почти на человеческий рост выше нас; наверху двигался край её юбки.

— Я вас вижу, — крикнула я.

— У меня нога…

— Не вставайте. Сейчас посмотрим.

Сабина выбрала место для контрольной меры и передала Маре показание. На Створ ушёл запрос снять боковой нажим с наружной пары. Пока не пришло подтверждение, мы стояли на целом полу перед ответвлением.

Мара принесла две широкие страховочные перевязи и верёвку. За её спиной караульный укладывал на пол короткую лестницу из кладовой. Я знала эту лестницу: по ней Тея снимала покрывала с верхних полок.

Рядом, в другом направлении, кто-то позвал:

— Альвина!

Я повернула голову.

На месте прежнего пути к низкой лестнице виднелась светлая полоса. Голос брата был отчётливее, чем вчера. Почти рядом.

— Альвина, ты слышишь? Здесь…

Я сделала шаг к звуку. Он говорил быстро. Мне показалось, что сейчас удастся разобрать остальное, если только подойти к повороту.

Сверху посыпалась пыль.

— Госпожа, — сказала Тея.

Она больше не кричала. От этого я услышала её лучше.

Я вернулась к Маре и взяла перевязь.

— Голос запишите, если разберёте, — сказала я человеку у арки. — Я иду сюда.

Пока капитан затягивала на мне ремень, Натан назвал меня ещё раз. Вторую перевязь Мара отдала мне для Теи. Я подняла лицо к тёмной площадке.

— Тея, держитесь за целую стену. За край не беритесь.

— Я не держусь. Я сижу.

— Хорошо. Я поднимусь к вам.

Из рабочего покоя донесли ответ Ренара: боковой нажим снят до названной метки; рама по показаниям поста удерживается, дальше ослаблять нельзя.

Сабина проверила меру. Я повторно сверила окно и крепление полки. В проходе уже ничего не менялось, но на часах было меньше четверти до следующего переключения.

— Лестницу ставим только на целый пол, — сказала инженер. — К раме не привязывайте. Она нашу верёвку не заметит.

Мара проверила опору. Двое караульных взялись за нижние концы лестницы; я поднялась на вторую перекладину и увидела Тею целиком.

Она сидела боком у стены, прижимая правую ладонь к левому плечу. На правой щеке лежала белая пыль. Одна нога вытянулась вперёд, другая была согнута под юбкой. За её спиной стояла корзина с тремя аккуратно сложенными покрывалами.

До целого края площадки оставалось полтора шага.

— Можете подвинуться ко мне?

Она посмотрела вниз. Губы разошлись, но звука не получилось.

— Давайте сначала положим на вас ремень, — сказала я.

Я достала вторую перевязь. Пришлось подняться ещё на перекладину, чтобы дотянуться. Мара придерживала верёвку у моего пояса, не давая ей цепляться за ступени.

Тея взяла ремень сама. Пальцы у неё двигались медленно; пряжку она дважды повернула не той стороной.

— Вот этот конец под локтями. Да. Теперь через петлю.

Она справилась. Я проверила затяжку настолько, насколько могла достать, и потянула свободный конец. Тея вздрогнула.

— Больно?

— Плечо ушибла.

— Тогда не опирайтесь на него. Правой рукой можете?

Девушка кивнула.

Снизу Сабина назвала показание. Мара попросила повторить. На мгновение я перестала слышать обеих: с другой стороны камня вновь доносился голос брата. Он произносил какие-то числа.

Тея схватила меня за рукав.

— Я не вижу, куда ставить ногу.

Я наклонилась ближе и подвела её ступню к верхней перекладине. Через ткань юбки чувствовала, как дрожит колено.

— Здесь. Под вами дерево. Пробуйте понемногу.

Она перенесла вес. Лестница тихо скрипнула, караульные внизу переставили руки.

В тот же миг по каменному краю прошла тонкая чёрная линия.

— Не тяните, — сказала Сабина. — Пока не тяните.

Я замерла. Тея держалась за меня так крепко, что шов на плече кафтана врезался в кожу.

Мара передала на пост новое число. До ответа пришлось ждать. Я смотрела на верхнюю перекладину, на которой уже стояла нога Теи, и старалась не пересчитывать удары собственного сердца.

— Поставьте вторую рядом, — сказала я. — Вес оставьте на площадке.

— Она двигается.

— Вижу.

Сбоку ударило железо. Сигнал пришёл обратно.

— Створ держит. Нового перевода не будет. Уходить сейчас, — передала Мара.

Сабина посмотрела на риску и подняла к нам лицо.

— Уходите.

Я переставила ногу на нижнюю перекладину, оставляя Тее место. Она сползла с каменного края и навалилась на меня. Плечом я ударилась о лестницу; из кармана выпал карандаш и стукнул внизу о пол.

Мара выбрала слабину верёвки.

— Ещё одну ступень. Вместе.

Тея судорожно искала опору. Я прижала её ступню к дереву и почувствовала, как она наконец встала. Теперь между её спиной и площадкой оставался воздух.

Камень сверху хрустнул. Маленький обломок ударил меня по рукаву и упал мимо караульного. Он выругался, но рук не убрал.

Мы спустились ещё на две перекладины. Дальше Маре удалось взять Тею под здоровую руку. Девушка повернулась к капитану всем телом и едва не стащила меня следом. Я отпустила её пояс, ухватилась за лестницу и спустилась сама.

На целом полу у Теи подогнулись ноги. Она села, хотя Мара ещё поддерживала её.

— Встаём, — сказала капитан. — Здесь нельзя оставаться.

Они с караульным подняли девушку. Я отстегнула свою верёвку от пояса, помогла убрать лестницу и пошла последней, рядом с Сабиной. На обратном пути мы всё ещё видели обе отметки. Я смотрела на них, пока не переступила границу рабочего покоя.

Я посмотрела на часы и не сразу смогла сосчитать деления. До сороковой минуты оставалось чуть больше двух. Стрелки, которые весь вечер значили одно, вдруг перестали складываться у меня в число.

— Тридцать семь, — сказала Сабина. — Я записала.

Мара вывела Тею в коридор, где её уже ждал лекарь. Девушка держалась за рукав капитана и всё повторяла, что на площадке осталось покрывало.

В сорок минут боковой проём переменился. Вместо окна и высокого края площадки показалась голая стена с железной скобой. Свет, который мы оставили на безопасном полу, продолжал освещать ближние камни.

Я позвала Натана.

Ответа не было.

Караульный у арки сказал, что разобрал моё имя и несколько отдельных слов. Числа он не успел записать. Тибор вернулся к своей тяге; от Створа потребовали последние показания наружного поста.

До конца часа мы с Сабиной наблюдали от двери. Я больше не пыталась приблизиться к повороту. В голове оставались сразу два голоса: брат звал по имени, Тея говорила, что не видит ступени. Мне хотелось вспомнить каждое слово Натана, но стоило закрыть глаза, как я чувствовала чужой вес у себя на плече.

— Здесь тоже зачеркните, — сказала Сабина.

Она показала на нижний обход в моей таблице. Я провела черту и написала дату изменения. Потом добавила: «Все три направления требуют новой сверки». Наружные реперы остались на месте; к ним ещё можно было привязать следующую съёмку. Ночные линии теперь объясняли только то, как мы ходили вчера.

Когда арка закрылась, мы отдали записи Тибору. Мара уже проверила боковой коридор по людям: караульный, Тея, двое носильщиков с ближнего поста — все находились на жилой стороне. Дальние комнаты, освобождённые днём, были пусты.

Я нашла Тею в небольшой лекарской комнате. На лавке стояли её мокрые туфли. Лекарь осматривал голень; вокруг колена и ниже проступал широкий синяк. Перелома он не обнаружил, плечо велел поберечь, а на следующий день снова показаться.

— Несколько дней без корзин и лестниц, — сказал он.

— Мне простыню довыдать надо.

— Вот эту задачу крепость, надеюсь, переживёт.

Тея посмотрела на него и вдруг заплакала. Она делала это почти без звука, сердито вытирая щёку здоровой рукой.

Я села на другой конец лавки. На моём кафтане белела пыль там, где она держалась за рукав. Лекарь снял с её плеча ткань, посмотрел ушиб и позвал помощницу принести чистую рубаху.

— Я видела его через две ступени, — сказала Тея. — Караульного. Он ещё спросил, хватит ли покрывал. Как я могла не успеть?

— Вы были рядом. Он сразу нас позвал.

— Я слышала, как вы ушли. Думала, не найдёте с другой стороны.

Я подвинула ей кружку. Тея обхватила её ладонью, но пить не стала.

— Я туда больше не пойду, — сказала она.

— Хорошо.

— Даже если покажется, что там близко.

— Будем работать отсюда. Если захотите помочь с рисунками.

Она наконец отпила, поморщилась от остывшей воды и отдала кружку мне. Я заменила её на другую. Мы посидели молча, пока помощница не принесла рубаху.

Ренар ждал в коридоре, у окна. Обязательный час уже закончился. Внизу обычным голосом переговаривались караульные; после ночного шума их было слышно особенно отчётливо.

— Ушибы, — сказала я. — Лекарь посмотрел. Она останется здесь до утра.

Он кивнул. Лицо у него было серым от усталости, на виске блестела влага.

— Я получил последнюю отметку. Вы вышли в тридцать семь.

— Да.

— Сабина говорит, наружный ряд удержался.

Я прислонилась к стене. Ренар стоял достаточно близко, чтобы я видела пыль на его воротнике. Та же белая пыль, хотя он всю ночь находился в другом зале.

— Натан говорил, — сказала я. — Пока мы снимали её с площадки.

Ренар повернулся ко мне.

— Что удалось разобрать?

— Почти ничего. Он называл числа. Я могла подойти к тому повороту.

Из лекарской комнаты донёсся сердитый голос Теи: она спорила с помощницей о рукаве. Я закрыла глаза и снова открыла.

— Мы не успели бы сделать оба дела.

Ренар смотрел на дверь.

— Тея сейчас здесь.

Я кивнула и наконец выдохнула.

Я попыталась расстегнуть мокрый ремешок на рукаве. Пряжка забилась известью; конец никак не выходил. После третьей попытки я протянула руку Ренару.

— Помогите.

Он взял ремешок левой рукой. Я придержала пряжку, и вместе мы освободили застрявшую ткань. Металл упал мне на запястье, холодный и мокрый.

Ренар перевернул мою ладонь. На костяшках краснели две содранные полоски.

— Это лестница, — сказала я.

Его большой палец остановился у края ссадины. Я чувствовала тепло кожи между ранками. Рукав уже был свободен, но мы продолжали стоять так, пока за дверью не скрипнула лавка.

Я слегка согнула пальцы. Ренар поднял глаза.

На миг мне стало совершенно ясно, что я могу подойти ближе. Я смотрела на его рот и не двигалась.

Он отпустил мою руку медленно. Я опустила её вдоль тела, всё ещё чувствуя прикосновение там, где ничего не болело.

— Мне нужно спать, — сказала я.

— Мне тоже.

Мы оба остались у окна ещё на несколько секунд. Потом я пошла к своей комнате. На повороте оглянулась: Ренар разговаривал с лекарем, вышедшим от Теи.

Утром шестого дня девушка сидела в постели с подносом на коленях. Она уже заплела волосы; только с левой стороны у виска осталась неровная прядь. Когда я вошла, Тея отложила хлеб.

— Там был крюк, — сказала она.

Я остановилась у двери.

— Где?

— На площадке. За моей спиной, над корзиной. Я ночью всё вспоминала. Сначала решила, что его раньше не было, а потом поняла: я смотрела с другой стороны.

Я достала тетрадь и села рядом.

Тея показала, как крюк уходил в стену над низкой полкой. Раньше на нём держали фонарь, когда разбирали бельё. Левее была узкая служебная дверь. Через неё ходили к старому сливу под лестницей, пока хозяйственные комнаты не переделали.

На официальном плане в этом месте стояла сплошная стена.

— Вы сами там ходили?

— Два раза. Несла тряпки, когда прочищали сток. Нужно было повернуться боком у поворота. Дальше я ждала у двери, пока мастер закончит.

— Куда уходил ход?

Она покачала головой.

— Не видела. Тянуло водой. И воздух был с улицы, холодный.

Я попросила нарисовать только ту часть, которую она помнила. Тея поставила поднос на соседнюю лавку и взяла карандаш. На этот раз лист не пришлось переворачивать: она сразу оставила достаточно места для поворота.

— Я вам покажу на бумаге, — сказала она, не поднимая глаз.

— На бумаге и нужно.

Девушка обвела крюк и подписала рядом, где лежала корзина. Потом долго смотрела на рисунок.

— Покрывала новые были, — сказала она.

Я придвинула к её здоровой руке чашку.

Глава 6. Место за столом

На седьмое утро Тея принесла мне рисунок, прижав его к груди здоровой рукой. Корзину с бельём за ней несла другая служащая. Девушка проводила её взглядом, словно всё ещё отвечала за то, как уложены простыни, потом развернула лист.

Крюк и служебная дверь были нарисованы уверенно. За поворотом стоял вопросительный знак.

— Дальше оставила пустым, — сказала она.

Я взяла рисунок.

— У меня на картах сейчас больше всего именно этого.

Тея улыбнулась, осторожно, чтобы не потревожить ссадину на щеке. Мы выбрали два знакомых ей места, которые можно было проверить с обычной жилой стороны. Возвращаться к ночному карману она не предложила, и я её не просила.

В ночь шестого дня Сабина успела снять новые показания от ограждения. Людей в галерею не пускали. В одном положении связь с прежней лестницей ещё угадывалась по свету, но разборчивого разговора не получилось. На столе лежали отдельные листы до расширения и после него. Я собиралась свести их, когда вспомнила обещанное Ренаром дело о прежних попытках.

Маршала не оказалось ни в рабочей комнате, ни у Створа. Тибор отправил меня в лекарское крыло и предупредил, что бумаги лучше пока оставить снаружи.

Дверь была приоткрыта. Я постучала костяшками здоровых пальцев.

— Войдите, — сказал Ренар.

Он сидел у окна в одной рубашке. Правый рукав был распорот по внутреннему шву и отогнут; лекарь держал его предплечье на сложенном полотенце. Серый участок начинался у пальцев и уходил под локоть неровным краем. На обычной коже рядом виднелись маленькие чернильные точки.

Лекарь прикасался к разным местам тупым концом деревянной палочки и ждал ответа. Ренар дважды кивнул, потом покачал головой.

Я остановилась у двери.

— Я могу зайти позже.

— Мы почти закончили, — ответил лекарь. — Если дело о ночных выходах, лучше всё-таки позже. Если о завтраке, вы вовремя.

На маленьком столе остывала миска каши. Рядом лежала стопка распоряжений, придавленная хлебом.

— Я ел, — сказал Ренар.

Лекарь снял хлеб с бумаг и переложил на тарелку.

— Следы вижу.

Ренар посмотрел на него с усталым терпением. Я села на свободный стул и положила папку себе на колени.

Лекарь вытер влажной тканью край поражённого участка, осмотрел кожу у запястья и наложил мягкую повязку там, где натирала перчатка. Движения были привычными; рядом уже лежала вторая чистая ткань. Ренар удерживал руку неподвижно, глядя в окно.

— За ночь граница изменилась? — спросил он.

— По сравнению с позавчерашней отметкой — нет. Проверю после следующего тяжёлого часа. Чувствительность тоже записал.

Лекарь застегнул широкий свободный рукав, велел днём ещё раз показать место у большого пальца и вышел. Миску перед уходом передвинул ближе к Ренару.

Тот взял ложку.

— Теперь можете открыть папку.

— Я пришла за вашей.

Он кивнул на плоский ящик под столом. Я достала его, убрала со своего колена рисунок Теи и развязала тесёмки.

Внутри лежали две подборки. В первой — схема служебной лестницы, список снаряжения, записи наблюдателя. Во второй — разрешение на разбор края проёма и листы с описанием повреждений. Бумага у обоих дел была помята сильнее, чем у командного отчёта.

Я начала с лестницы.

Группа из четырёх человек вошла по старому обычному пути. Впереди шли двое с лампой и верёвкой; ещё двое оставались на наружном участке. На рисунке возврат был обозначен одной широкой стрелкой. Время возле неё отсутствовало.

— Они считали, что дверь останется за спиной, — сказала я.

Ренар отставил миску.

— Мы все так считали. До включения проверили оба конца лестницы. Внутри группа узнала место по перилам.

— А когда повернулась обратно?

Он указал на вторую страницу.

Дверь за спиной оказалась другим соединением. Вместо выхода они увидели глухую площадку. Через сохранившийся боковой проём наружные наблюдатели подали голос, затем верёвку; обоим удалось вернуться до конца часа. На схеме возвращения вместо прежней прямой стрелки стояли два противоположно направленных поворота.

Под описанием стояли четыре подписи. Ниже было отмечено, что часть верёвки осталась за рамой. Тянуть её обратно не стали.

— Все четверо вернулись, — сказал Ренар.

— Почему эту стрелку оставили в следующем плане?

— Решили, что они ошиблись дверью из-за дыма. Мы знали о переключениях Створа, но не понимали, как далеко они затронули внутренние ходы. Снаружи выход был на прежнем месте.

Я подложила под старую страницу свой лист и записала: «Положение наружной двери не доказывает сохранность обратного соединения».

Вторая подборка была толще. На верхнем чертеже кусок рамы заштриховали как позднюю ненесущую закладку. Его собирались снять, чтобы добраться до закрытого края прохода.

— Это разрешили вы?

— Да.

— На основании этой схемы?

— Её и осмотра доступной стороны. Сабина требовала снимать по одному малому участку, с непрерывным наблюдением. Так и делали.

На следующем листе первоначальная штриховка исчезла под густым карандашом. Возле вынутого камня была нарисована косая полоса; дальше шёл план соседнего помещения, которое вообще не входило в задание.

Когда сняли край закладки, сместилось нагруженное ребро. В соседней комнате оторвало участок пола у стены. Двое рабочих отступали через ещё доступный проём, когда изменилось положение его края: одному сломало предплечье, другому повредило колено. Снаружи им помогли выбраться по целой стороне; ящик инструментов остался внутри. Разбор остановили.

К описанию были приложены показания обоих. Тот, у кого пострадала рука, поставил неровный крест, а ниже писарь объяснил причину.

— Одному пришлось заново учиться работать другой рукой, — сказал Ренар. — Он теперь ведёт расходные записи у кузницы.

Я посмотрела на его левую кисть. На среднем пальце темнел след карандаша.

На отдельном листе лежали показания со Створа: скачок нагрузки произошёл раньше, чем наружный наблюдатель увидел первую трещину.

— Из моей комнаты той ночью пришло бы то же предупреждение, — сказала я.

— Поэтому вы не держались за раму.

Я провела пальцем над рисунком, не касаясь бумаги.

— Они вынули камень здесь, а пол ушёл вот тут. Между ними должно быть другое помещение.

— По листу должно, — ответил Ренар.

В деле лежали оба варианта — первоначальный и исправленный после аварии. Я не нашла попытки сделать первый аккуратнее задним числом. В углу была короткая резолюция маршала об остановке работ и запрете нового разбора до установления связи между участками.

— Когда мы выводили Тею, мы воспользовались целым наружным полом, — сказала я. — Крепления не трогали.

— Да. Вы вывели Тею по существующему соединению. Создать другое проломом мы не умеем.

Я закрыла вторую подборку. Ренар снова взял ложку, но каша окончательно остыла.

— Если сейчас принести другую, вы съедите её вместе с бумагами, — сказала я.

— Обычно бумаги оставляю.

— На некоторых есть крошки.

Он посмотрел на мои колени. Из кармана папки торчал край вчерашнего хлеба.

Я убрала его внутрь.

— Это мой способ отмечать нужную страницу.

Ренар усмехнулся. Я ещё раз посмотрела на его стол: миска, вода, повязки, стопка распоряжений. За окном был светлый день, но всё необходимое приносили ему сюда, как будто за дверью не оставалось ни одной комнаты, куда можно было пойти самому.

— Где вы ужинаете?

— В последнее время в рабочей.

— А раньше?

Он подумал.

— В малой столовой. Если не было общего сбора.

— Она сохранилась?

— Да.

Я завязала тесёмки на ящике и оставила его у своего стула.

— Давайте сегодня там.

Ренар посмотрел на меня внимательнее.

— Во сколько?

— В восемь. Я успею закончить с Сабиной, у вас останется время до поста.

— Без этих подборок?

Я положила ладонь на ящик.

— Их я заберу сейчас.

Он кивнул.

— В восемь.

За бумагами пришёл помощник. Ему нужно было передать Ренару пакет с западного поста и получить подпись под разрешением на проход очередного обоза. Мы вышли из лекарского крыла вместе. У дверей Ренар остановился, дожидаясь, пока я переложу ящик поудобнее.

— Меня уже пробовали вывезти из крепости, — сказал он. — Запись этой попытки тоже есть. Она у лекаря, не в деле о проходах.

— Люди пробовали нести вас?

— На носилках. После первых дней мы ещё надеялись, что связь держится только за руку и расстояние можно увеличить постепенно.

Мы дошли до западного моста. Здесь ветер был мягче, чем на башне, пахло лошадьми и свежими досками. За дальним концом стоял обоз; возница держал в руках пакет, который не доверил своему промокшему карману.

Ренар остановился у старой металлической метки в камне. До возницы оставалось несколько шагов.

— Донесите сюда, — сказал он.

Мужчина оглянулся на телегу: одна лошадь переступала, задевала копытом сцепку. Я поставила ящик на парапет, прошла последние шаги и взяла пакет сама. За меткой ничего не изменилось. Те же камни под ногами, тот же ветер. Я передала бумаги Ренару.

— С носилками дошли до этой черты?

— Немного дальше. Начала неметь вторая рука. Потом остановилось дыхание. На Створе в тот же миг сорвало контрольный язычок. Нас вернули, пока оставалась возможность.

Я посмотрела через его плечо в сторону зала. Отсюда был виден только тёмный угол крыши.

— Вы были в сознании?

— Сначала. Обратный путь помню плохо. Лекарь записал время, носильщики дали показания. Повторять не стали.

Он развернул пакет на парапете. Я прижала угол, чтобы лист не унесло ветром. Подпись вышла медленно; пришлось дважды поправить положение бумаги под его левой рукой.

За мостом начиналась дорога. У первой развилки стояла высокая сосна с раздвоенным стволом. Я проехала мимо неё в день приезда и тогда почти не заметила.

Ренар смотрел в ту сторону, пока помощник складывал подписанные листы.

— Там дальше хороший вид на реку? — спросила я.

— После поворота. Если спуститься на старый тракт, видно три излучины.

— Я проехала в тумане.

— Тогда вам не повезло.

Он снова взялся за мой ящик, но я подняла его раньше.

— Лёгкий. Там главным образом отсутствующие сведения.

Когда мы вернулись во двор, Ренар придержал дверь. Я прошла с ящиком, который собиралась разобрать до ужина.

После обеда я работала с Сабиной. Мы перенесли на общий лист места прежних травм и соседнюю комнату, повреждённую при разборе. Она принесла свою старую тетрадь: на том развороте, где прежде стояло предположение о ненагруженной закладке, теперь было записано, какое показание ему противоречит.

— Я до этого мерила по верхнему ребру, — сказала она. — Нижнее было закрыто. Сочла, что они принадлежат одной раме.

Я положила рядом рисунок Теи.

— Здесь тоже приходится предполагать, что находится за поворотом. Пока оставим пустое место.

Мы договорились запросить старые перечни работ по этому участку. Помощник Ренара принёс первый том из хозяйственного архива и медицинскую запись о попытке вывоза. В ней совпадали время остановки носилок и отметка аварийного сигнала со Створа. Под документом стояла подпись того же лекаря, который утром осматривал руку маршала.

Я дочитала его и убрала отдельно. Затем вернулась к перечню работ, но до вечера успела разобрать только заголовки и порядок приложений.

Без четверти восемь я открыла сундук с одеждой. Дорожный кафтан оставила на стуле. У его рукава лопнул шов; Тея предложила зашить, а я сказала, что он может несколько дней полежать с этой дырой.

В сундуке нашлось тёмно-синее платье, которое не требовало помощи со шнуровкой. Я надела его, сменила перевязку на пальцах и долго возилась с волосами. В зеркале они никак не хотели лежать одинаково с обеих сторон. Под конец я просто заколола их выше и оставила одну прядь у виска.

Спустилась ровно в восемь.

Малая столовая оказалась светлой комнатой с двумя окнами во двор. На узком камине стояла чашка без ручки, полная коротких карандашей. У стены лежала доска для игры, её клетки были потёрты у одного края. Стол накрыли на двоих; стулья поставили под углом, оставив за длинной стороной достаточно места для свечи и блюд.

Ренар уже ждал. На нём был простой тёмный камзол, ворот рубашки расстёгнут на одну пуговицу. Когда он поднялся мне навстречу, я заметила, как его взгляд задержался на моих волосах.

— Здесь раньше тоже складывали распоряжения? — спросила я, глядя на карандаши.

— Мара приносила записи караула. Я пытался делать вид, что не вижу.

— Получалось?

— С ней редко получается.

Я села. Служащий принёс тушёное мясо, печёные коренья и маленькое блюдо с зеленью. Рядом поставил кувшин воды и чайник. От горячей еды поднимался пар, в котором пахло тмином.

— Вина? — спросил Ренар.

— Немного. Вы будете?

— Сегодня чай.

Я попросила налить мне четверть кубка. Ренар сам наполнил свою чашку; жидкость оказалась такой тёмной, что в ней исчез край серебряной ложки.

Я посмотрела на чайник, потом на него.

— Это можно пить?

— Вы же пили.

— Мне Тея разбавляла.

— Значит, против меня давно действует целая служба.

Я рассмеялась и подвинула к нему кувшин с горячей водой. Ренар спокойно переставил его на середину стола.

— Для вас.

Мы принялись за еду. Первое время разговор не шёл: я была голоднее, чем ожидала, и несколько минут просто ела. Ренар тоже. За окнами прошли люди с фонарём, в камине треснула тонкая ветка. Мне нравилось, что никто не пытался немедленно заполнить тишину.

Потом я взяла слишком острый кусок репы.

Ренар протянул воду ещё до того, как я поставила вилку.

— Здесь любят перец, — сказал он.

— Уже поняла.

— Обычно предупреждают.

Я отпила и посмотрела на него поверх кубка.

— Обычно.

Он опустил глаза к своей тарелке. Плечи у него едва заметно дрогнули.

— Вы смеётесь?

— Стараюсь сдержаться.

— Не трудитесь. Теперь вы должны съесть яблоко без мёда.

— Это наказание?

— У нас так едят.

В конце трапезы действительно принесли яблоки — небольшие, сморщенные после хранения. Ренар разрезал одно левой рукой, уперев плод в край тарелки. Я отодвинула чашечку с мёдом, и он посмотрел на меня с выражением человека, которому только что изменили условия уже подписанного соглашения.

Я откусила свою половину. Во рту свело от кислоты.

— Хорошее, — сказала я.

Ренар попробовал, помолчал и достал мёд с середины стола.

— Вы проиграли, — заметила я.

— Я успел установить, что не хочу выигрывать.

Я снова рассмеялась. На этот раз вместе с ним.

Смех изменил его лицо сильнее, чем расстёгнутый ворот. Вокруг глаз появились мелкие складки; исчезло неподвижное ожидание следующего сообщения. Я медленно положила яблоко на тарелку, чтобы не продолжать смотреть совсем уж открыто.

— Вы любите путешествовать? — спросил он.

— Люблю приезжать. Особенно если там есть горячая вода.

— А дорогу?

Я подумала о телегах, с которыми ходила во время войны, о раненых, старающихся не стонать на ухабах. Потом вспомнила другую поездку, гораздо раньше.

— Иногда. Когда не нужно считать, сколько человек не дойдёт пешком. Мне нравится уезжать на рассвете. Все ещё молчат, и можно выбрать себе место, пока никто не решил, что ему необходимо разговаривать именно со мной.

— Вы производите впечатление человека, которому непросто это навязать.

— Значит, вы не слышали наших обозных старшин. Один рассказывал мне про своего гуся четыре дня.

— Что с ним случилось?

— Со старшиной?

— С гусём.

— Сбежал на второй день. Я его понимала.

Ренар поставил чашку и посмотрел в сторону окна. Я видела, что он снова смеётся, и неожиданно захотела продолжать.

Рассказала, как тот же старшина сочинил песню о пропаже, а к третьему дню её уже пел весь обоз. Как Ирма прислала распоряжение двигаться быстрее, потому что считала задержку следствием размытой дороги. Как мне пришлось в ответном письме объяснять, что дороге никто ничего не предъявляет, а вот гусю есть что.

— Вы её помните? — спросил Ренар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.